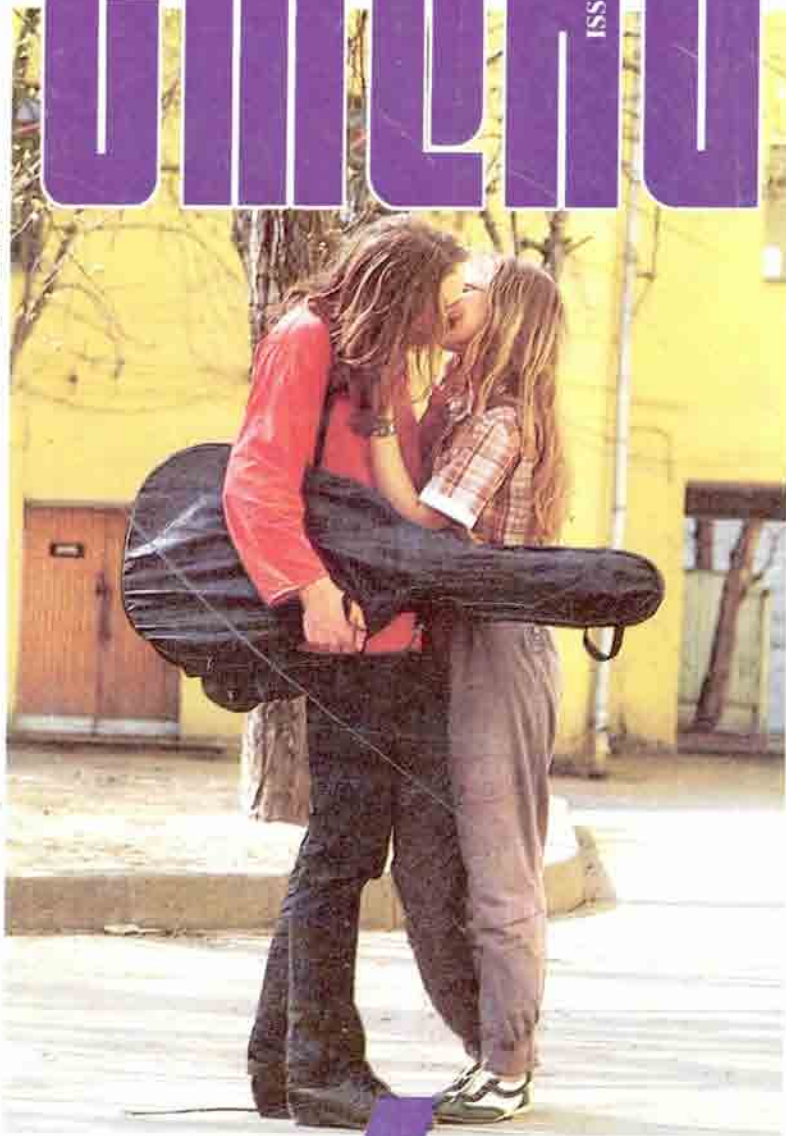

СМОНА

ISSN 0131 - 6656

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ ■ МЕНТ ВЕРНУЛСЯ АБРАМ ЭФРОС ■ СУРИКОВ

СТАНИСЛАВ РАССАДИН ■ ФАДДЕЙ ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ ■ КЛЯТВА

7 95

ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ

WAGNER

Скорый из Парижа пришел в Прагу минута в минуту. Я не ожидал от него такой точности и поэтому появился на вокзале с небольшим опозданием. Впрочем, если уж честно, опоздание было не такое уж маленькое — на добрых десять минут, и то, что мы все-таки столкнулись с Миркой в переполненном вестибюле Главного вокзала, дело отчасти случая, а в основном — заслуга ее тичановской шевелюры, которая бросается в глаза в любой толчее.

— Привет, дорогая, — сказал я и добавил еще несколько подходящих к случаю фраз, завершив церемонию вопросом, где ее чемодан, чтобы я мог его взять.

Но она только заулыбалась во весь рот и ткнула пальцем чуть левее.

Только теперь я заметил, что они прибыли вместе с Андреа, и чемоданы, сгибаясь под их тяжестью, тащит Андреин ухажер и мой приятель Рудла. Бедняга еле стоял на ногах, но делал вид, что два таких сундука тащить даже удобнее, чем один, потому что легче удерживать равновесие.

Андреа подала мне руку.

— А ты почему не у Ирки? У него же сегодня день рождения.

— Точно, — подтвердил я. — Пришлось позвонить, что приеду позже. Автобус туда идет в восемь, так что я еще успею отвезти Мирку домой.

— Вот видишь как! — засмеялась Андреа и обняла Мирку. — Мы тут пустое место. Мужчины поедут сами. Мы там две недели надрываемся, как каторжные, вздыхаем, вспоминаем, плачем втихомолку, а когда наконец возвращаемся, наши господа великодушно оставляют нас дома.

— Мы собираемся ехать. Обе, — улыбаясь, поддержала подругу Мирка.

— Поехали ко мне, — предложила Андреа. — Выкупаемся, переоденемся, возьмем подарки... Если поторопимся, через час выедем в Стрж. В девять уже поздравим новорожденного. Я, конечно, возьму машину.

Рудла пожал плечами:

— Ну, что тут поделаешь, Гонза? С чокнутыми разве поспоришь?..

В четверть девятого мы уже втискивались в Андреин «фиат-850». Рудла сел за руль и нажал на стартер.

— Гонза, а ты захватил подарок для Ирки? — И тут же добавил: — Я нет. Ей-богу, не рассчитывал, что поеду.

Я похлопал по Миркиной сумке.

— Везу ему бутылку.

— Наш Рудлинек попал впросак, — отозвалась Андреа. — Ну ничего, я позаботилась, чтобы ты сохранил свою репутацию перед товарищем, который помог тебе перебраться в Прагу. Подаришь ему вот эти консервы. — Она положила на полку под

ветровым стеклом овальную жестяную коробку. Потом повернулась ко мне: — Надеюсь, ты не паршивую сливовицу везешь?

— Правильно надеешься, — ответил я. — Ром...

Рудла включил дальний свет, и справа от дороги я заметил голубой указатель со светящейся надписью «СТРЖ 8 км».

Мирка тем временем теребила мою левую руку, потом зажала ее между коленями, покопалась в сумочке и что-то надела мне на палец. Это оказался перстень. Роскошный золотой перстень с крупным черным камнем-печаткой.

— Тсс, — прошептала она. — Небольшой сувенир с ярмарки.

— Ты меня просто убиваешь, — пробормотал я.

— Замолчи, а то обижусь. Не слишком свободен?

Я приподнял руку повыше. Быстро смеркалось, и я с трудом разобрал, что на камне вырезана монограмма «JK»* — мои инициалы, искусно сплетенные наподобие старинных иероглифов. Я переместил перстень с безымянного пальца на средний.

— Здесь сидит, как приклеенный.

Но Мирка закрутила головой.

— Если до утра не потеряешь, отдам сузить. Мужчине полагается носить перстень только на левом безымянном.

Она сказала это безо всякой задней мысли, но мне подарок напомнил о том, что обручальных колец у нас до сих пор нет. Все как-то не находилось повода предложить Мирке руку и сердце. Я вернул перстень на прежнее место.

— Постараюсь не потерять...

Андреа повернулась к нам.

— Что вы там шушукаетесь?

Я показал ей свою руку с перстнем.

— Вот это да! — удивилась она и громко расхохоталась: — Придется тебе, Гонза, расплачиваться...

3

Ирка приготовился отмечать именины в холле, это было что-то вроде большой прихожей, откуда можно попасть в любое помещение как первого, так и второго этажа виллы. Нашу компанию он встретил с восторгом, после телефонного разговора со мной ему оставалось надеяться только на меня и Рудлу, увидеть Мирку и Андреа он никак не ожидал, а узнав, что они приехали прямо с вокзала, вообще потерял дар речи.

— Ну вы даете! — только и сумел он произнести в ответ на наши поздравления и передал коробку с изысканной отравой Войте.

Я пожал руку Валерии и Войтеху Дубенецким, Ирковым однокашникам по ВЭШ, и познакомил Войту с Миркой. Они взаимно уверили друг друга, что очень рады этому знакомству. То же самое проделали Рудла с Андреа. Потом хозяин познакомил нас с двумя девицами — надо признаться, обе раскрасави-

* Гонза — уменьшительное от имени Ян. Полное имя Гонзы — Ян Кабеш (Jan Kabeš). (Здесь и далее — прим. перевод.)

цы, лет двадцати трех, одна — химическая блондинка, а другая — яркая, слегка растрепанная брюнетка. Блондинку звали Александра, а брюнетку — Ярмила, обе выглядели немного растрепанно. Скорее всего оттого, что одна из них оказывалась лишней.

Тем временем Войта раскупорил бутылку и торжественно спросил:

— Уважаемые гости, что вы предпочитаете? Представьте себе, что перед вами все, что душе угодно: мартель, югославский виньяк, наша родимая сливовица и даже «Олд драй джин ориджинал» с апельсиновым соком или без него.

— Начнем, пожалуй, с мартеля, — заявил я. — А там будет видно.

Войта разлил коньяк в приготовленные рюмки, а я обратился к Ирке:

— Извини, если что не так, но хочу узнать, что это за девчонки? К какой из них надо отнестись с особым почтением, как к будущей хозяйке дома?

— Не валяй дурака! — откликнулся Ирка и добавил: — Как ты их назвал? Девчонки? Вот именно, ни больше и ни меньше. Чернявая — Ярина, секретарша нашего шефа, а Саша — ее знакомая. Мы столкнулись с нею на прошлой неделе в одном баре, ну, я и пригласил ее в гости. — Он затянулся сигаретой и многозначительно подмигнул. — Одну из них придется отравить алкоголем.

Я рассмеялся.

— Отравить, так отравить. А которую?

— Лучше Ярину. Что-то у нее начали появляться хозяйские замашки.

— Разумеется, безо всяких оснований?

— Абсолютно! Поэтому будем последовательны и отравим обеих. Без сожаления.

— Значит, остается нам одна пани Валерия. Надеюсь, ее любовь к тебе уже кончилась...

Ирка взглянул на меня растерянно и сокрушенно.

Я не сомневался, что он состоит в переписке с пани Дубенецкой. Они дружили еще во время Иркиной службы. Валерия навевалась к нему, а он вел себя с нею довольно сдержанно, у него был достаточный выбор и среди местных кадров.

— Перед Валерией я, конечно, виноват, — признался Ирка довольно мрачно. — Даже удивительно, что они сегодня сюда приехали.

— И что ты натворил?

Он махнул рукой и смял сигарету.

— Как кирпич на голову... Войта должен был поехать в следующем месяце в Канаду...

— Должен был? Значит, не поедет... А почему?

— Потому что туда еду я. Шеф изменил свое решение, а Войта определенно считает, что я приложил к этому руку...

Разговор прервался, так как к нам подошла Мирка. Она прижалась ко мне. Я обнял ее и поцеловал. Мирка слегка отстранилась и прошептала:

— Чтобы не случилось недоразумений, как в отеле «Поклад»*, Сашу, эту красавицу блондинку, я знаю. Очень хорошо знаю. Понял?

— Боюсь, что да. Тузексовка?*

Мирка кивнула.

— И к тому же высокого класса. Если Ирка этого не знает, предупреди его.

— Он говорил, что встретил ее случайно в каком-то баре.

— Ну вот, видишь, это не моя выдумка. Может, она хочет его подцепить?

Дальнейшие душевные излияния я остановил поцелуем.

Опасаться за Ирку особенно не приходилось. Вряд ли ему грозила женитьба на обманщице-тузексовке. Но береженого и Бог бережет...

4

Когда дело подошло к полуночи, все мы уже были порядком под газом. По комнатам разошлись в начале второго. Ярмила уснула под креслом на ковре. Ирка принес из соседней комнаты клетчатое одеяло и, заботливо прикрыв Ярмилу, пропел:

— Отдыхай с миром!..

— Аминь! — откликнулась Реа.

Мирка, на вид самая трезвая из нас, сунула Ярмиле под голову подушку, а Ирка кратко, но исчерпывающе, подвел итоги вечера.

— Вот это покуролесили! Разве умные, культурные люди так себя ведут?..

— Еще древние греки и римляне напивались до смерти, — отозвался Войта. — И древние славяне тоже.

— Пили всегда и везде. Людям свойственно травить себя, такова уж натура человеческая, — философски заключил Ирка.

— И любовь существует извечно, — вмешалась Андреа. Получилось это у нее невпопад, видимо, ей просто надоело молчать.

Саша откровенно повисла на Ирке.

— Пошли спать, ну, пожалуйста, — взмолилась она. — Меня уже ноги не держат.

— Ясенько. — Ирка ткнул пальцем на балкон. — Там наверху две комнаты. Спальня и еще одна спальня. Только для супружеских пар! Пан и пани из Дубенца, прошу вас! Направо от лестницы. А пан доктор Кабеш со своей тициановой красавицей — тоже направо, но поближе. У меня будет гнездышко с левой стороны, а для остальных все приготовлено на первом этаже...

— Доброй вам ночи, спите без задних ног! — произнес Войта и стал подниматься по лестнице. Валерия направилась следом за ним, но на третьей ступеньке остановилась, вернулась назад и всех по очереди поцеловала. Последнего — Ирку, который ее по-приятельски похлопал по спине и пожелал:

* Речь идет о событиях, описанных в повести «Номер с ванной».

** Синоним нашей «интердевочки».

— Пускай тебе снятся розовые сны, дорогая.

— Так и будет, — ответила Валерия. — У меня ночная рубашка розовая.

Бойта приостановился, ухватился одной рукой за перила, а другую воздел к потолку и провозгласил:

— Жена, не кокетничай! Я все слышу!

Я обнял Мирку за плечи.

— Мы тоже отчаливаем. Всего доброго!

— Доброй ночи! — ответил Ирка, и все остальные его поддержали.

Перед тем, как лечь в широкую супружескую постель, я прошел в ванную, напустил в раковину студеной воды и несколько раз подряд окунул туда лицо. Хмель не совсем выветрился, но чувствовал я себя более или менее сносно. Надравив лицо полотенцем, я вышолоскал рот и направился в спальню. Гася в ванной свет, посмотрел на часы — двадцать пять минут второго. На лестнице света уже не было, только в темноте виднелась чья-то сигарета. На перилах, опустив одну ногу вниз, а другую, согнутую в колене, поставив на поручень, сидел и покуривал Ирка.

— Ты что тут делаешь? — спросил я его.

— Как ни странно, размышляю, — улыбнулся он.

— И о чем же?

— Да так, обо всем понемногу.

— Ты как, в порядке?

— Спасибо, никаких проблем.

— Так слезь с перил, балда! Чуть качнешься — и рухнешь вниз, как перезревшая груша. Не забывай, выпили мы все крепко.

Ирка громко рассмеялся.

— А я как раз и стараюсь протрезветь. Удивительная вещь, дружище. Помню, в Таборе после четырех бутылок «бикавера» прошелся по перилам моста через Лужницу и, когда добрался до берега, мог выпить еще столько же. К тому же и на переговорах с нашими заграничными партнерами без выпивки не обходится. Порой многое зависит от того, у кого голова крепче или кто быстрее протрезвеет.

Внизу в холле хлопнула дверь. Ирка спрыгнул с перил.

— Ну, ладно, пошли спать, — сказал он громче, чем требовалось. — Спокойной ночи, Гонза! — Хлопнул меня по плечу и открыл дверь своей комнаты. Зажег свет и остановился на пороге.

— Приятно провести время! — подмигнул я ему и с некоторым злорадством подумал, что если красавица Александра не поторопится, то Валерия может ее обскакать. Тем более что Ярмила спит как убитая.

Мирка меня ждала. Стояла у открытого окна и смотрела в сад. Босая, в одной ночной рубашке, которая скрывала прелести женского тела настолько, чтобы посылнее разжечь мужское воображение.

Я разделся и рухнул в постель. От резкого движения у меня закружилась голова, а тяжесть в желудке так усилилась, что я невольно посочувствовал сказочному волку, которому вместо

Красной Шапочки и ее бабушки зашили в брюхо камни. Мирка погасила свет и устроилась рядом со мной.

Я услышал в коридоре тихие шаги. Кто-то прошел от лестницы к Иркиной комнате. Но я уже ни на что не реагировал. Уснул мгновенно и крепко.

5

Проснулся я от головной боли и чего-то еще: какого-то шума, шагов, кошмаров, словом, черт знает чего. На дворе светало. Я протер глаза и взглянул на запястье: было только полчетвертого. Мирка лежала навзничь, слегка приоткрыв рот, и дышала ровно и глубоко. Я встал и подошел к окну. Влажный летний ветерок легонько колыхал штору. Я набросил на плечи рубашку и отправился в конец коридора к ванной. Возвращаясь оттуда, услышал какой-то шум, остановился у перил, и передо мною внизу, в полумраке холла, открылась довольно смешная картина. Яримила проснулась на своей импровизированной постели и, поднявшись на колени, пыталась выпутаться из одеяла. Наконец это ей удалось, она встала, залезла пальцами в свои расхристаные волосы, потянулась и сладко зевнула. Потом протерла глаза и сталаправлять смявшееся платье.

Я облокотился на перила и негромко окликнул ее:

— Доброе утро, Яринка!

Она поискала меня глазами, потом сказала:

— Привет! — И снова зевнула. — Куда вы все подевались?

— Все в постелях, где же еще? Ты у нас одна предпочитаешь спать на ковре.

Тем временем Ярина пересекла холл, направляясь к английскому камину. Я поглядел туда — и у меня подломилась нога. В этот миг раздались испуганный вскрик Яримылы, она попыталась, закрыла ладонями рот и — рухнула, как подкошенная. Я не обратил на это внимания, просто перепрыгнул через нее, спеша дальше к неподвижной фигуре у каменного основания камина.

Это был Ирка: в расстегнутой рубашке и серых брюках, он лежал на спине, неловко изогнувшись, ноги слегка поджаты, левая рука закинута назад, правая, с растопыренными пальцами, напряжена и выпрямлена — видимо, он пытался в последнюю минуту ослабить удар. Глаза открыты, а на лице сохранилось выражение боли да, пожалуй, страха, если, впрочем, он успел испугаться. Рядом с его правой ступней лежал потухший окурок. Трудно было упасть неудачнее. Голова попала прямо на острую грань каменного основания камина, на виске виднелась страшная рана, а затылок лежал в луже засыхающей крови, которая растеклась по полу и рыжевато-коричневыми пятнами выпачкала расстегнутый воротник белой рубашки.

Я наклонился к нему и укоризненно произнес:

— Говорил же тебе, голова садовая: не садись на перила...

Потом встал во весь рост, вытер глаза, набрал полную грудь воздуха и заорал:

— Вставайте! Слышите? Беда!..

Еще мгновение в доме стояла тишина, на мой крик отозвались эхом только стены холла, потом откуда-то из нижней комнаты раздался сонный голос Рудлы:

— Чего надрываешься, балда? Пить надо меньше...

— Скорее сюда! Все! — отчаянно кричал я. На балконе появился Войта. Он, как и я, был в плавках и незастегнутой рубашке.

— Спускайся вниз, — позвал я его. — Ирка умер.

— Ты что, сдурел? — заикаясь, отозвался Войта и бросился вниз. Сразу же следом за ним выскочил в холл Рудла, остановился позади меня, несколько раз громко проглотил слюну и наконец выговорил:

— Как... как это случилось?

Я пожал плечами:

— Откуда я знаю?

— Ах ты, господи! — вскрикнул Войта и схватился за голову. — Я же его остерегал...

— Остерегал?!

— Ночью, когда шел из ванной... А он как раз сидел на перилах...

— Выкладывай, — прервал я его. — Что ты ему сказал?

— Чтобы он не валял дурака. Вдруг закружится голова, и он свалится оттуда.

— А он тебе ответил, мол, не волнуйся, однажды в Таборе, после четырех бутылок «бикавера», я перешел по перилам мост через Лужницу.

— Нет, — испуганно отозвался Войта и взглянул на меня, как на чокнутого. — Он сказал: заткнись и иди спать, дубина!

— Какое несчастье! Проклятый, подлый, мерзкий случай! — плачущим голосом произнес Рудла и вытер нос.

Чуть в сторонке громко рыдала Ярмила.

На лестнице появились Валерия с Миркой. Валерия в цветастом халате, брошенном на розовую ночную рубашку, Мирка одета примерно так же, обе босиком. Мирка с плачем бросилась мне на шею, а Валерия застыла на месте.

Андреа с Сашей тоже появились вместе. Я как раз устраивал Мирку в кресле, когда они вышли из комнаты. Я преградил им дорогу.

— Не ходите туда, девчонки. Ирка убится.

Андреа прошептала:

— Нет...

Быстро-быстро завертев головой, она рухнула в кресло напротив Мирки. Саша повела себя хладнокровнее нас всех. Она легонько отстранила меня, приблизилась к мертвому, нагнулась и коснулась ладонью его лба. Потом деловито осведомилась:

— Как это произошло?.. Он умер всего пару минут назад. Кто это сделал? — Ее холодный, голубовато-стальной взгляд передвинулся с плачущей Ярмилы на Андреа, скользнул по Валерии и, наконец, уперся в ничего не соображающую Мирку.

— Это ты меня спрашиваешь? — еле слышно выдохнула та.

— Да ты что, Саша? — возмутился Войта. — Кто мог это сделать? Он сидел на перилах, потерял равновесие и свалился.

Мы видели, как он сидел, — Гонза, я, Рудла и Валерия.
— Я тоже, — всхлипнула Андреа, — когда шла спать. Еще крикнула ему, чтобы не делал глупостей.

Я подошел к Александре и показал на окурок.

— Он вышел покурить, сел и... — Я умолк, потом наклонился, чтобы присмотреться к окурку.

— Ничего не трогай, Гонза, — остановил меня Рудла. — Надо поскорее позвонить в отделение безопасности.

— Безопасности? — недоверчиво переспросила Валерия.

— Верно, — согласился я и подошел к камину, где стоял на полочке телефон.

Рассвет еле заметно переходил в чистое летнее утро. Но Ирке это было уже безразлично. Для него отныне существовала только бесконечная, непроглядная ночь.

6

Безопасность приехала в Стрж меньше чем через полчаса. Четверо в форме. Они внимательно выслушали нас и сделали однозначный вывод: несчастный случай, вызванный неосторожностью и алкогольным опьянением. Две-три строчки в уголовной хронике.

Врач приехал около пяти. Он установил, что смерть произошла в половине четвертого утра, и после беглого осмотра написал, что наступила она в результате перелома шейного позвонка, а также повреждения лобной кости вследствие падения спиной с высоты трех метров восьмидесяти пяти сантиметров на каменное основание камина. Обе раны были смертельными.

Мы по очереди подписали протоколы свидетельских показаний, совпадающие до последней мелочи. Оставалось только официально поставить на происшествии печальную точку.

Но я не собирался этого делать, так как был убежден: кто-то из нас на допросе солгал. Кто-то один, а вернее — одна, чьи шаги я услышал на лестнице перед тем, как уснул. Сначала я подозревал Сашу. Но потом все так запуталось, что я постарался выбросить это из головы. На время. Надо было заняться улаживанием всех дел покойного. Войта взялся за организацию похорон, безопасность — за поиски пана Гаспры, дальнего родича, которому принадлежала эта вилла. Ярмила сообщит в министерство иностранных дел о гибели сына одного из наших послов. Мне оставили ключи от виллы и поручили подождать здесь приезда Гаспрых. Мирка решила пожить со мною.

Когда Ирку увозили в морг, я взглянул напоследок на его посиневшее, до неузнаваемости изменившееся лицо и дал себе и ему молчаливую клятву. Если он упал не случайно, а был безжалостно и хладнокровно убит, я за него отомщу. Найду убийцу и докажу, что это сделал он. А если не сумею доказать, то собственными руками свершу справедливый суд. Жизнь за жизнь.

В первый раз я связал имя Мирки с происшедшим около восьми утра, когда к вилле подъехала санитарная машина и по-

ручик ОБ*, начальник следственной группы, разрешил забрать труп на вскрытие. Два санитары принесли носилки и стали укладывать на них мертвое тело.

Я наклонился, обхватил Ирку и осторожно положил его на полотнище носилок. При этом левая Иркина рука выскользнула и стукнулась об пол. Я взял ее, холодную и необычно твердую, и застыл в удивлении. На безымянном пальце покойного блеснуло золото с черным ониксом, на котором виднелась монограмма — мои сплетенные инициалы «JK». Вчера вечером у него не было никакого перстня, такая заметная штука от меня бы не ускользнула. Перстень был у меня. Еще когда я ложился спать. Теперь же он был у Ирки, а на моем безымянном пальце не осталось даже следа.

— Это надо отдать,— сказал санитар, заметивший, куда я смотрю.

К нам подошел один из криминалистов, делавший фотографии.

— Что у вас тут?

— Перстень, пан поручик,— показал санитар на руку мертвеца.— И часы...— Он нагнулся к неподвижному телу, отстегнул золотой швейцарский хронометр и живо стащил перстень с печаткой.

Обе золотые вещицы очутились в ладони прапорщика, а санитары подняли носилки. К машине я шел за ними следом. В голове все перепуталось. Как перстень очутился на руке Ирки?.. Сейчас он лежал у меня в кармане вместе с часами, небольшим кожаным кошельком и шестью сотенными и кое-какой мелочью, ключами от виллы и от «фиата-1300», то есть всем тем, что было у Ирки при себе и что поручик ОБ выдал мне за один автограф на соответствующем бланке. Я несколько раз тщательно осмотрел перстень. Вывод напрашивался один: еще сегодня ночью он принадлежал мне...

7

— Мне надо поспать,— призналась Мирка, когда мы поднялись в спальню.— Знаю, это выглядит некрасиво, но я едва держусь на ногах.

— Ну, конечно, поспи,— согласился я.— Я бы тоже с удовольствием, да не могу. Надо ждать, пока Войта позвонит и скажет, что и как удалось сделать. Сегодня суббота, трудновато ему придется.

— Главное, чтобы поскорее приехали Гаспровы,— вздохнула Мирка.— Если бы я не опасалась оставить тебя одного, убежала бы отсюда без оглядки.

— А чего тебе опасаться за меня? — засмеялся я.— На перила не полезу, а если буду жить один, так никто меня не пристукнет.

— Ты в самом деле думаешь, что кто-то виноват в Иркиной смерти?

* Общественной безопасности.

Я пожал плечами.

— Думать я могу что угодно, а вот знать — почти ничего. В одном уверен твердо: когда мы около половины второго расстались с Ирккой, он недолго оставался в одиночестве. Шаги я слышал точно.

Мирка кивнула, расстегнула молнию и стащила брюки.

— Я тоже слышала Сашу.

— Сашу?

— А кого же еще? Ярмила спала, а Андреа...

— Что Андреа?

— У Андреа есть Рудла. Но ведь ты подозреваешь Валерию, правда?

— Никого я не подозреваю, — завертел я головой. — А может, совсем наоборот — кроме себя, подозреваю всех.

— И меня тоже? — Мирка кисло улыбнулась, устало опустила голову на подушку и закрыла глаза.

— Да, дорогая, — подтвердил я. — Ради объективности придется.

Я подсел к ней и погладил по лицу. Через пару минут она тихо и ровно посапывала. Я немного подождал, затем подошел к маленькому столику, где лежала жестяная коробка с западногерманскими сигаретами. На крышке виднелась надпись: «WALDORF ASTORIA» и «50 CIGARETTEN». Коробка была овальная, обклеенная коричневой бумагой, на ней помещалось что-то вроде медалиона с портретом аристократа в белом парике с аскетичным лицом и ярко-синими глазами — Иоганна Дж. Астора, одного из самых известных немцев в Америке, о чем свидетельствовала надпись, сделанная белыми литерами на этикетке. Я машинально сунул коробку в карман и тихо вышел. Мне вдруг пришло в голову осмотреть Иркину комнату.

С минуту я постоял на пороге, потом сел за письменный стол. На столе сохранялся приятный рабочий беспорядок, под настольной лампой лежали записная книжка в кожаной обложке и папка с бумагами. Я открыл записную книжку. Она была заполнена до половины июня, сплошные рабочие записи. Зелеными чернилами Ирка отмечал свои выезды за границу. В нынешнем году их было три: Париж, Женева, Северная Африка — Алжир, Марокко, Тунис. Адресный раздел в книжке был забит до отказа, зарубежные адреса и телефоны заносились красными чернилами. Среди местных, сделанных голубыми, я нашел и Сашин, и адреса всех вчерашних гостей, включая мой и Миркин.

Я отложил записную книжку и взял папку. Кроме чистых конвертов и бумаги, там лежали визитные карточки Ирки и несколько заграничных открыток, в основном поздравления от людей, чьи подписи мне ничего не говорили. Кроме одной, красочной почтовой карточки с видом Франкфурга-на-Майне, где надпись была сделана Миркиным почерком, а подписана Андреа и другими женскими именами.

Наконец я обнаружил кое-что, оправдывавшее мое вторжение в личную жизнь погибшего друга. Неотправленное Иркино письмо. Или черновик. Его содержание, прямо скажем, ошеломило меня.

«Любимая!

Ты ушла, но остаешься здесь со мной. А вместе с тобой и мои сомнения.

У меня множество недостатков, но никогда я не был и не хочу становиться вором. А украсть у друга жену или возлюбленную — это самое мерзкое воровство. Я всегда считал, что не способен на подлость, но в последнее время уже не так в этом убежден, хотя случилось все не по моей вине. Но не имеет значения.

Ты призналась мне, что ваша любовь — вовсе не любовь, что это уже скорее привычка и инерция. Что ж, любовь может так закончиться, но мужская дружба — совсем другое чувство. Привычка не разрушает ее, скорее наоборот.

Я люблю тебя, но не смог бы вынести сознания, что мы обманываем его за его спиной. Только когда между вами все будет решено, мы сможем снова, и теперь, возможно, окончательно, встретиться.

Не сердись на меня, иначе я не могу.

И.

Стрж, суббота».

Даты не было. Я положил письмо обратно в папку и в полной растерянности уставился куда-то вдаль. Адресат неизвестен, но я несколько не сомневался, что письмо предназначено Мирке. Кого еще Иржи мог назвать своим другом? Рудлу? Едва ли. Войту? Пожалуй, тоже нет. Кого-то еще? Нет, конечно... Вопросов было столько, что я совсем растерялся. Число возможных убийц после прочтения Иржиного письма не уменьшилось, а напротив, увеличилось. Отвергнутая Валерия, ревнивый Войта (то же самое в отношении Андреа и Рудлы), Ярмила (она могла только прикидываться спящей), теоретически даже я, точно так же, и не только теоретически, Мирка, а по каким-то другим, не известным мне причинам, и Саша... Брр, мистер Холмс, вы как хотите, а я пас.

На всякий случай я все-таки вытащил из папки письмо и сунул его себе в карман. Потом вернулся к спящей Мирке. Постоял у окна, глядя в сад. С удовольствием завалился бы в постель, но дал обещание Войте, что подожду его звонка. Полез в карман за сигаретами. Коробка «БТ» оказалась пустой, пришлось позаимствовать Иржин «Астор».

Я вытащил крышку, но так неудачно, что она выскользнула у меня из рук. Вместе с нею упала на пол и бумажная прокладка. Я поднял крышку и прокладку, взял сигарету, закурил, хотел уже закрыть коробку, но чуть не уронил ее от неожиданности. На овальной прокладке, которую я ненароком перевернул на другую сторону, печатными буквами было написано: «Когда все уснут, приходи! Буду ждать в своей комнате».

Войта позвонил только около шести вечера. Дату и время кремации фирма назначит лишь после того, как свяжется с Иржиным отцом. Через пару минут после Войты позвонили из

безопасности. Пана Гаспру обнаружили в Горних Почерницах, он приедет автобусом в 18.50.

Приехал он вместе с женой. К тому, что Ирка погиб, они никак не могли привыкнуть. А что насчет пани Эвы? Когда она приедет?

Меня точно громом ударило. Вот дебил! Пыжусь, как настоящий детектив, а про Иркину старшую сестру, живущую в Брно, даже не вспомнил. Гаспровы, однако, знали не только ее адрес, но и номер телефона. Мне хотелось поскорее покончить с этим делом, по телефону все же проще. Но вышло все равно сплошное расстройство. От Эвы я добился лишь одного: в воскресенье около полудня она приедет.

Едва я положил трубку, как тут же новый звонок. Андреа. По дороге домой они чуть не разбились. Рудла прозевал красный свет на перекрестке, и какая-то «татра-III» на полном ходу чуть не чиркнула их крылом. Еще полметра — и все они последовали бы за Иркой. Валерия впала в шок, разрыдалась так, что не остановить, а у Рудлы стали трястись руки, и остаток пути машину пришлось вести самой Андреа. Не надо ли нам с Миркой чего-нибудь? Нет? Тогда обязательно завтра с утра должны явиться к ней.

Пани Эва с мужем приехали на машине в воскресенье около полудня. После получасового разговора с нею я, ей-богу, охотно бы улегся рядом с Иркой в морге. Как и Гаспровы, она была в полной растерянности, трагическая смерть брата просто не умещалась у нее в голове.

Немного опомнился я в половине третьего, когда мы с Миркой выехали в Прагу на Иркином «фиате». Заниматься дальнейшими розысками мне опротивело. Ясно было одно: загадка перстня так и остается загадкой. Я надел его на средний палец, и Мирка заметила:

— Все-таки перстень придется отдать, чтоб уменьшили.

— Дадим, — кивнул я. И добавил: — Тебе нравился Ирка?

— Нравился, — ответила она. — И даже очень.

— Ты тоже всегда ему нравилась. Теперь уже можно признаться в этом. Иногда я даже побаивался, что он в тебя всерьез втюрится. Мне бы с ним трудно было соперничать.

— Зря побаивался, — усмехнулась она. — Вы ведь по-настоящему дружили, правда?

— Если дело касается женщины, да еще такой красивой, все уходит на второй план. Дружба тоже.

— Спасибо за комплимент, но к Ирке ты, пожалуй, несправедлив.

Мы немного помолчали. Молчание прервала теперь уже Мирка:

— Помнишь, как мы вчера говорили о шагах на лестнице?

— Помню. Ты сказала, что тоже их слышала.

— Слышала. Я долго не могла уснуть. К Ирке точно приходила Саша, но пробыла совсем недолго.

Дорога была прямая, скорость я держал всего около семидесяти, но тут на всякий случай убрал газ.

— Как ты сказала?..

— Минут пятнадцать, не больше. И тут же вернулась к себе.

— Точно?

— Железно! Если наверх она поднималась украдкой, скорее всего босиком, то вниз шла уже обутая и нисколько не скрываясь. Мне даже показалось, что ей хотелось, чтобы все ее слышали...

— Через пятнадцать минут, говоришь?

— Может, даже меньше.

— Рудла доказывал мне, что она оставалась у Ирки не меньше часа. Он, дескать, тоже не спал и уверен, что до без четверти три она не вернулась к себе в комнату.

— Значит, врет. Или спутал Сашу с Валерией.

— С Валерией? — Тут я вообще съехал на обочину и затормозил.

— Или с Войтой. Кто-то из них у Ирки побывал. Минут через пять, максимум семь после ухода Саши. Я бы скорее погрешила на пани инженершу. По походке, понимаешь? Проскользнула по коридору еле слышно.

— И ты думаешь, что она пошла к Ирке?

— А куда же еще? Ванная у них рядом с комнатой, а она отправилась через весь коридор. Но вниз по лестнице не сходила.

Я подумал о том, что мои рассуждения в Иркиной комнате были не такими уж глупыми, и обрадовался, что Мирка, пожалуй, выпадает из круга Иркиных почитательниц. Вторая версия адресата письма обретала реальность. Неожиданно для себя я спросил у Мирки:

— Как ты думаешь, любовь может превратиться в привычку и инерцию?

— Нет, я так не думаю, Гонза. Это была бы уже не любовь, а привязанность.

— Скажи-ка, а когда Валерия ушла от Ирки?

Она улыбнулась.

— Не скажу. Но на какое-то время у него задержалась. Во всяком случае, вернулась назад не сразу. В костеле в Стрже пробило два часа. Спутать я не могла. А потом меня, как говорится, поцеловал Орфей.

— Кто-кто?.. Ах, вот кто... — У меня не хватило духу поправить ее. Я потрепал ее ладонью по щеке и произнес: — Спасибо.

Включив скорость, я тронул «фиат» с места. Мирка молчала, а я ломал себе голову. На первый план снова выдвинулись Валерия и Войта. Войта знал о пристрастиях своей высокообразованной супруги, даже заявил ей как-то, что надо было ей выйти замуж за Ирку, а не за него. Еще он хотел переговорить с ним, но это сделала Валерия. Подождала, пока Войта уснет, а точнее — пока все уснут, как написал на прокладке сигарет Ирка, и отправилась к нему. К Мирке записка, как и неотправленное письмо, отношения не имела. Ярмиле или Саше он вообще не стал бы писать. Так что вопрос «кто с кем» решался вполне прозаически. Ярмила отключилась, и Саше пришло в голову, что дорога перед нею свободна. Ждать, пока все уснут, ей не требовалось, она попробовала осчастливить Ирку, но это не удалось. Оставались только Валерия и Андреа. Андреа чисто теоретически, Валерия практически.

Валерия пускай пока погуляет, прикинул я, сначала надо прощупать Сашу.

Мы уже въехали в Прагу.

— Надо бы поговорить с Сашей, — сообщил я Мирке. — Не знаешь, где ее можно найти?

— Сегодня воскресенье? Значит, в «Ялте».

9

В «Ялту» мы пришли к девяти вечера. Сели в глубине зала, на возвышении, откуда хорошо просматривались и танцплощадка, и вход, и стойка бара. Я стал искать глазами официанта, но тут на танцплощадке появилась Саша. Ее партнером был пожилой ловец с солидным животиком, который, очевидно, вбил себе в голову, что, чем больше он выкинет выкрутасов в вальсе, тем сильнее очарует свою подружку. Однако Александра танцевала с мрачным видом, не обращая никакого внимания на старания своего кавалера. Нас она не замечала.

— Я думал о ней хуже, — заметил я. — Вчерашняя трагедия ее все-таки задела. Видишь, какая она грустная.

Мирка легонько улыбнулась:

— Ей это идет.

После вальса последовал короткий перерыв. Женолюбивый дядюшка развил бурную деятельность, чтобы убедить свою партнершу отправиться к его столу, но она отвергла это предложение отрицательным жестом головы и ироническим движением губ.

Постояв недалеко от входа с какой-то другой девицей, видимо, коллегой, и послушав ее болтовню, она поймала в поле зрения приезжих с солнечного полуострова, омытого Средиземным морем.

— После первого танца отведу ее к бару. Как только закурю, подойдешь к нам, — проинструктировал я Мирку. — А там будет видно. Надо обязательно привести ее за наш стол.

Больше я ничего сказать не успел. Раздались звуки танго, и низенький итальянец сорвался с места. Однако мне было ближе, и мой усатый соперник на полдороге признал поражение.

— Привет, Саша, — поздоровался я и слегка поклонился ей. — Пойдем потанцуем?

— Пан доктор, вы меня убили! — не скрывала она удивления. — Кого-кого, а вас я не ожидала здесь сегодня увидеть.

— Вас? По-моему, мы перешли на ты, разве нет?

Саша промолчала.

Когда танго закончилось, мы остановились недалеко от нашего с Миркой столика, и я сказал:

— Ты, наверное, уже поняла, что мы здесь не случайно. Мне надо с тобой потолковать. О чем — сама знаешь. Пойдем к бару или к нашему столу?

Саша стрельнула по мне настороженными глазами, на губах появилась ироническая усмешка.

— Лучше к столу, — решила она и взяла меня под руку. — Я смотрю, и Мириам здесь. Уже пару пятниц я ее не встречала — заболела, что ли?

Этот провокационный вопрос я оставил без внимания, в игрушки играть с нею я не собирался, меня интересовали только события трагической ночи.

Мы подошли к столику.

— Привет,— сказала Мирка.

— Чао, Мируш,— ответила Александра.

Я решил продолжить интересующий меня разговор.

— Время бежит, а мы с Миркой не собираемся загорать здесь до Рождества Христова... Так вот, послушай: Ирка был моим лучшим другом. Это не слова, это факт. Хочешь, докажу?

— Попробуй,— бросила Александра.

— В армии он спас мне жизнь. Самым буквальным образом. Я неудачно прыгнул с парашютом, запутался в стропах и упал в реку. Тогда он прыгнул следом и вытащил меня. Это было в середине апреля, в самое половодье. Теперь тебе понятно?

Она чуть заметно расправила брови. Стальной блеск в глазах исчез, они приобрели теперь вполне приятную светло-голубую окраску.

— Вчера ночью мы разошлись сразу же после часа. Примерно в половине второго в вилле было темно. Над холлом на балконных перилах сидел и ждал Ирка. Минут пять. Потом кто-то к нему поднялся. Это была ты.

— Верно,— призналась Александра.— Что дальше?

— А дальше я хочу послушать тебя, Саша.

— Допрос,— ухмыльнулась она.— А где спрятан магнитофон? У Мириам в сумке?

— Да нет же,— завертел я головой,— я не следователь. Если ты еще веришь честному слову, могу тебе его дать. Будь уверена: все, что ты расскажешь, без твоего согласия — никому.

— Ладно. Давай спрашивай.

— Вы договаривались с Иркой, что ты к нему придешь?

— Нет.

— Он не писал тебе никакой записки?

— Ничего он мне не писал. Когда Ярина отключилась, мне показалось, что ему будет скучно одному сидеть до утра. Ведь у каждой из дам были свои партнеры. Даже у Мириам... Так что без партнеров остались только мы с Иркой. Поэтому я и пошла к нему. Но уже через десять минут он меня выпроводил. Правда, подарил на прощание дружеский поцелуй. Словом, я быстро очистила помещение.

— И куда ушла? К себе в комнату?

— Я хлопнула дверь и осталась в холле. Сами понимаете, сгорала от любопытства, кто окажется счастливой избранницей... И ею оказалась ты, Мируш. Ведь это ты пришла к нему после меня.

— Не сердись, Саша, я задам тебе один-единственный вопрос. Ты уверена, что узнала меня? — спокойноотреагировала Мирка.— Ты ведь только слышала, как я иду, так?

— Ты шла босиком. Так же, как и я.

— Ну, понятно. Как же иначе? Побоялась, что разбужу Гонзу, и не стала обуваться... Но для верности: ты меня не могла ни с кем спутать?

— С Андреа нет. Она бы наткнулась на меня. Ярина храпела, как медведь в берлоге. Ну а пани Дубенцова...

— Дубенецка,— поправил я.

— Просто пани Валерия,— сказала Саша и от души расхохоталась.— Нет, я не скажу, что она уродина, но все равно ничего хорошего у нее нет, кроме инженерского титула. Если ты, Мируш, хочешь убедить меня, что Ирка из-за нее меня выставил...

— Спасибо, что ты такого высокого мнения обо мне,— съязвила Мирка,— но к Ирке все-таки пошла Валерия.

— Вот это цирк! — скривилась Саша.— Ну тогда извини, я совсем не хотела поссорить тебя с твоим красавчиком.

Мирка махнула рукой и, к моему удивлению, рубанула напрямик:

— Ничего, не поссоришь, мы с Гонзой друг другу верим, понятно?.. А потом ты заснула?

— А что мне еще оставалось делать? Кстати, я кое-что вспомнила насчет Андреа. Боюсь ошибиться, да и не хотела бы ее в чем-то обвинять, но, по-моему, они со своим хахалем крепко погрызлись. О чем шла речь, не знаю. Я бы, конечно, с удовольствием подслушала, но они разговаривали слишком тихо. Скорее всего она не хотела с ним переспать.

Я прикусил губу. Мирка сделала вид, что удивлена, в ее зеленых глазах загорелись лукавые искорки.

— Это не анекдот,— продолжала Саша с самым серьезным видом,— а голый факт. Иначе зачем она перебралась в мою комнату и даже заперла дверь на ключ?

255

Я поднял бокал и чокнулся с нею.

— Ты неocenимая девчонка, Саша! Спасибо тебе. Здорово мне помогла. Ей-богу!

— Ну что, допиваем и идем? — обратилась ко мне Мирка.

Я не ответил, так как прикидывал, с кем сначала встретиться. С Андреа или с Войтой и Валерией?.. Окончательного решения я так и не принял, но впервые за это время у меня появилась уверенность, что клятву, данную Ирке, я выполню.

10

В понедельник в обед мне позвонил Войта и сообщил, что кремация состоится в четверг в 14 часов в стржницком крематории. Траурные извещения уже печатаются, и было бы желательно, чтобы я позвонил или съездил в Стрж, к пани Эве, и узнал адреса родственников и знакомых.

Я пообещал, что съезжу. В воскресенье я позабыл отдать Иркины деньги, часы, ключи и... свой перстень с печаткой. Надо было также вернуть и машину, хотя она бы мне сейчас пригодилась. Тут же я позвонил Мирке и спросил, не поедет ли она со мною вечером, часов в шесть. Она сказала, что поедет, и попросила, чтобы я заехал за нею на квартиру Андреа. Я сделал еще один звонок — пани Эве и сообщил, что мне потребуются адреса и вечером я за ними заеду. Осталось только переговорить с шефом насчет недельного отпуска. Потом я сел в машину и отпра-

видя в Маловшицы, где зашел в панельный «небоскреб».

Войтех и Валерия Дубенецкие проживали на пятом этаже. Лифт вроде бы работал, но я решил воспользоваться лестницей. Мне открыла Валерия в халате и шлепанцах. Выглядела она так, будто опиума накурилась. Какая-то сонная, вялая, поблекшая. Мне показалось, что с пятницы она постарела лет на десять, не меньше.

— Здравствуй, Йеник,— растерянно проговорила она и добавила: — А Войты нет дома. С этими похоронами у него хлопот полон рот.

— Вот и прекрасно, что его нет. Ты меня пригласишь? Я к тебе.

Валерия завела меня в гостиную и усадила в кресло.

— Что будешь — кофе или чего-нибудь покрепче? Где-то у нас осталась сливовица. Настоящая моравская, шестьдесят градусов.

— У меня внизу Иркина машина, так что кофе, если не трудно.

Она вышла на кухню, включила газовую плиту и, пока закипала вода, немного причесалась. Потом принесла кофе в крохотных фарфоровых чашечках и уселась напротив меня.

Я отпил кофе, вернее, намочил губы, потому что там всего-то было пару глоточков. Но зато крепкий, ничего не скажешь.

— Не обижайся, Вали,— начал я,— но мне надо кое-что у тебя спросить.

Она кивнула и дрожащими пальцами достала сигарету из стеклянной шкатулки.

— Почему ты не призналась на допросе, что была ночью у Ирки?

— Я, Гонза?

— Ты, Валерия.

Рука, держащая сигарету, задрожала еще сильнее.

— Отпираться нет смысла. Я знаю это железно. И не только я.

— А кто еще? — тихо спросила она, и этот вопрос фактически прозвучал как признание.

— Мирка и Саша,— ответил я.— Но не стоит бояться. Обе пообещали мне, что будут держать язык за зубами. И на обоих можно положиться.

Она нервно кивнула. Я закурил и позволил ей немного успокоиться. Потом тихо спросил:

— Кого ты боялась? Войты?

— Нет,— выкрикнула Валерия, и глаза у нее лихорадочно заблестели.— На Войту мне как раз наплевать! Но чего ты, собственно говоря, хочешь?

— Найти убийцу Ирки.

— Я его не убивала!

— Во сколько ты к нему пришла? Постарайся поточнее.

— Около двух,— шепнула она.— Как только Войта уснул.

— Вы с ним договаривались? Я имею в виду — с Иркой?

— Я сказала, что обязательно должна прийти к нему ночью.

Пусть ждет.

— А Ирка?

— Ответил, чтобы я не сходила с ума. Но я была как в бреду.

Я бы пришла к нему, даже если бы у него в постели лежала та девка...

— Какая девка?

— Саша. Я сразу же ее раскусила, как только увидела.

— Послушай...

— Перестань! Я женщина, у меня есть глаза. Мне сразу стало понятно, что она собирается Ирку захомутать. Для этого она и пришла.

— А Ярмила тебе не мешала? Все-таки именно Ярмила была... официальной Иркиной подружкой.

— Ерунда! — отрезала Валерия. — Он с нею иногда встречался, конечно, но это было несерьезно.

«Так же, как и с тобой», — подумалось мне, но от комментария вслух я воздержался.

— А тебе не кажется, что ты ее недооцениваешь?

— Ярину? Да ладно тебе! Ирка — и такая курица!..

— Ты ведь с Иркой так и не порвала, верно?

— Нет, — вздохнула Валерия, — я — нет. Только...

Она умолкла. Выложить все начистоту ей не хватило духу.

— Послушай, Вали, я не собираюсь лезть в твои личные дела, но все-таки хотел бы еще кое-что узнать... У Ирки в комнате я нашел кое-какие записи и...

— Какие записи? — испуганно уставилась на меня Валерия.

— погоди. Сначала скажи, когда вы в последний раз встречались. Вернее, в предпоследний...

Готовясь к разговору с Валерией, я так и не решил, рискну ли задать ей этот вопрос. Однако сейчас момент показался подходящим. И я не ошибся. Она ответила не задумываясь:

— В конце мая. Он как раз вернулся из Африки.

— Ты была у него в Стрже?

Она кивнула.

— Можешь поточнее вспомнить, когда?

— Он прилетел в четверг. В пятницу мы поехали туда на его машине, а в субботу к вечеру он отвез меня обратно. Последний майский уик-энд. Вернее... — Она покусала губы. — Вообще наш последний.

Значит, неотправленное Иркино письмо предназначалось Валерии. Это подтверждала и пометка внизу: «Стрж, суббота».

— А что ты сказала Войте?

— Ничего! Просто, что меня не будет дома. — Она разревелась, но мне почему-то не было ее жалко, скорее наоборот. Пересилив себя, даже ободряюще похлопав ее по плечу, я заметил:

— Перестань реветь, а то вся слезами истечешь.

— Тоже выход из положения, — вздохнула Валерия. — Открыть на ночь газ у меня духу не хватит.

— С какой стати тебе газ открывать?

— Потому что именно я виновата в Иркиной смерти.

— Ты?

— Я его расстроила, вывела из равновесия. Когда я ушла, он, наверное, еще выпил, а потом сел на перила и свалился...

— Откуда ты знаешь, что он еще пил?

— Ирка прихватил с собой в комнату остатки сливовицы. Почти полбутылки. Мы вместе выпили по рюмке, а утром бутылка была пустая. До приезда следователя я заглянула в Иркину комнату. Бутылка стояла под столом, там не оставалось ни капельки.

Валерия достала платок и вытерла покрасневшие глаза. Я встал. Она мигом схватила меня за руку.

— Ты думаешь, Ирку кто-то убил, да, Гонза? Что это вовсе не несчастный случай?

— Я в несчастный случай не верю, — ответил я и, избегая ее заплаканных глаз, добавил: — Но был бы рад ошибиться.

11

Андреа лежала на кушетке в купальнике бикини, под головой две подушки, глаза скрыты солнечными очками, на лице — тоска и мрак. Мирка стояла у окна.

— Что случилось? Пчелы укусили? — не слишком удачно начал я разговор, и Андреа меня тут же одернула:

— Случилось то, что умер Ирка, если ты об этом уже забыл.

— Нет, не забыл, — возразил я. — Только что побывал у Валерии.

— Ну и?..

— Раскисла, как кисель. Покойный Гамлет отправил бы ее в монастырь.

— Отмаливать грехи? — ухмыльнулась Андреа. — Думаешь, это она полезла к Ирке?

— Я вообще ничего не думаю. С таким же успехом к нему могла полезть и ты.

— Оставь эти глупые шуточки.

— Ты первая начала, дорогая. А как аукнется... Что еще натворил Рудла? Кроме того, что чуть не разбил твой «фиат»?

— Я очень прошу тебя больше никогда не произносить в моем присутствии это имя, — подчеркивая каждое слово, потребовала Андреа.

— Ну, ладно. Я схожу к нему, он купит тебе охалку красных роз, упадет перед тобой на колени — и все наладится. Брось так расстраиваться, Реа. Что стоят твои неприятности рядом с Иркиной смертью? Скажи лучше, во сколько ты от него убежала?

Она вытаращила на меня свои прекрасные телячьи глазищи.

— В соседнюю комнату к Сапе, — уточнил я.

— Дед Всевед или кадровик. Больше никто столько не знает. Остается узнать, откуда.

— Утром я видел, что вы вышли из одной комнаты.

— Ах, вот как... — Она перевела дух. — А я уж боялась, что тебя облапошил тот подонок.

— Никто меня не облапошил. У меня есть собственные глаза... Так во сколько?

— А зачем тебе? Нет, ты прямо скажи — зачем?

— А затем, что хочу убедиться на все сто, что Ирка сам упал с перил и никто ему не помогал. Понятно?

— Да, — пискнула она и покорно кивнула.

- Ну, так узнаю я наконец, когда ты переселилась?
- Около двух.
- А может, чуть позднее? Скажем, в четверть третьего?
- Может, — согласилась Андреа. — Я на часы не смотрела.
- А что ты потом делала?
- Уснула.
- А когда проснулась?
- Ну, когда ты закричал, чтобы все вставали, что случилось несчастье. Разбудила Сащу, мы скоренько оделись и выскочили в холл. А там... — Голос у нее дрогнул. — А там такое... До сих пор в голове не укладывается.
- У меня тоже, Реа. Поедем? — обратился я к Мирке.
- Поедем, — подтвердила она, подошла к подруге и погладила ее по щеке. — Перестань убиваться, Реа. Ирке уже не поможешь, а портить нервы из-за Рудлы... Ты уж меня извини!
- Да, верно говоришь, Мирка, — кивнула Андреа. — Постараюсь не терять голову. — Она встала и приблизилась ко мне. — А ты не сердись на меня, Гонза.
- С какой стати? — возразил я.
- Вот и ладно, — заключила она, грустно улыбаясь.

12

Вечером в четверг мы с Миркой снова сидели в квартире Андреа, но самой Андреа с нами не было. Она лежала в соседней комнате и пыталась забыть после двух таблеток ноксирона. Голова моя была забита разными мыслями. Я раскопал целую кучу сведений, но Иркина смерть так и оставалась для меня загадкой. А между тем у меня созрело убеждение, что больше мне ничего и не требуется знать, что достаточно только расположить все сведения в нужном порядке — и путь к единственно правильному решению будет открыт.

— Надо бы взбодриться, — вырвал меня из нерадостных дум голос Мирки. — Я немного припрятала...

Она поставила на стол две рюмки и разлила остатки «черно-белого» виски. Мирка что-то еще говорила, но я ее не слушал, у меня перед глазами стояла раздирающая душу картина похорон.

Народу в церемониальном зале крематория собралось много. Пришли все сотрудники Иркиной фирмы, однокашники Высшей Экономической, на специальном автобусе приехали родственники. Из числа тех, с кем Ирка провел свои последние часы, отсутствовала только Валерия.

— Она даже одеться не могла. Пришлось вызвать доктора и попросить соседку присмотреть за ней, — объяснил Войта и, оглядевшись по сторонам, добавил: — Страшно переживает...

Стоявшая рядом со мною Ярмила злорадно бросила:

— Пани инженерша просто боится сплетен.

Мы с Миркой и Андреа встали позади всех, у самого крематория к нам присоединился было Рудла, но Реа так глянула на него своими непримиримыми, покрасневшими от слез глазами, что Мирка шепнула ему:

— Послушай, Рудольф, пока не трогай ее.

Он пожал плечами и отошел к группке молодых людей примерно моего возраста, видимо, одноклассников покойного.

Потом начался похоронный обряд. У меня защипало в глазах и сдавило горло, а надо было вытерпеть еще и прощальные речи. Звучали слова об Иркином трудолюбии и энергии, таланте и самоотверженности и еще Бог знает о чем, слова соболезнующие и утешающие, но не уменьшающие горя и не приносящие утешения. Когда же наконец прозвучала мелодия органа и катафалк с серебристым гробом, усыпанным цветами, медленно поплыл в пустоту, отгороженную от нас черным бархатным занавесом, Андреа повисла на мне всем телом, судорожно сжимая локоть, Мирка спрятала заплаканные глаза, а я, глядя на черную табличку с Иркиным именем, которая вот-вот будет убрана, и вслушиваясь в трагические переливы шопеновского реквиема, снова повторил вслед уходящему от меня другу свою клятву — клятву, которую я пока что не выполнил, но готов был исполнить, чего бы это мне ни стоило...

— Спит... — Миркин голос вырвал меня из безрадостных воспоминаний. Я недоуменно взглянул на нее. Оказалось, что она заглянула в спальню к Андреа.

— Интересно, как себя чувствует Валерия, — сказал я первое, что пришло на ум.

— Наверное, плохо, раз не пришла на похороны, — предположила Мирка.

— А Ярмила считает, что она просто испугалась сплетен.

— А с какой стати им сплетничать про Валерию?

— Потому что у нее была с Ирккой связь. Тайная, конечно, такая тайная, что о ней даже воробьи на крыше чирикали.

— Не знаю, как насчет воробьев, а люди уже давно перестали. У нас ведь любят сенсации, что-то новенькое. А это уже дела давно минувших дней.

— Правильно, но ведь ты не будешь спорить, что Валерия портила Ирке жизнь... И в ту страшную ночь без нее не обошлось.

— Это могла быть и я. Вспомни Сашины слова.

Я пристально взглянул на Мирку и сказал:

— Валерия призналась, что ходила к Ирке в спальню. А ты нет. Поэтому я и вычеркнул тебя из круга поклонниц.

— Ну, спасибо, — с легкой улыбкой заметила она. — Так ты считаешь, что самый серьезный мотив был у Валерии?

— Мотив... — произнес я с отвращением. — Мотива не было ни у кого — и в то же время он был у каждого.

— Но для Валерии я могла бы даже его сформулировать, — провозгласила Мирка и взяла рюмку. — Несчастливая и безответная любовь. Ну, не совсем безответная, скорее недостаточная. А еще вернее — бешеная страсть.

— Отлично! Вот и мотив у Валерии... Давай дальше!

Против своей воли я втянулся в обсуждение трагического события, это позволяло хоть на минуту забыть о сегодняшней трагедии.

— Возьмем Войту, — поднял я брошенную Миркой перчат-

ку. — Буду краток. Знал, что входит в любовный треугольник. Валерия устраивала ему не жизнь, а пекло, но он все равно любил ее. Кроме того, Иркина смерть способствовала бы его карьере. Хватит?

— Вполне. Ярмила...

— В общем, то же, что и у Валерии. С небольшими отличиями. Чувство разочарования, предательства, отчаяния, я бы даже сказал — стыд... Ясно одно: огромную роль здесь играет стечение обстоятельств. Хмель, отчаянное желание разрешить неразрешимую проблему одним махом, какое-то короткое замыкание в мозгу, приступ шизофрении... Попросту говоря, недобрая минута.

— Ладно, Ярмила — предательство, разочарование, стыд... Годится. Рудла.

— Заметил, как у Ирки загорелись глаза при виде Андреа. Он ей устроил скандал, и она удрала к Саше...

— Революция?

— Болезненная.

— Александра...

Я пожал плечами.

— Тут я еще не уверен. До конца ее не понял. С одной стороны, она кажется мне твердой и циничной, а с другой... Когда мы отвезили ее сегодня в крематорий, у нее были заплаканные глаза и в руке истерзанный платочек. Мотив для Саши?.. Тут уж помогай ты.

— Может, как раз то, что ты не можешь совместить. Разлад между цинизмом и тем «чем-то», что прячется у нее на доньшке. То есть нутро. Если хочешь — душа. Как тебе известно, в этом деле у меня немалый опыт... Может, она впервые в жизни влюбилась. По-настоящему, понимаешь? А Ирка прогнал ее. Одну-единешеньку. Часок она поревела в подушку, стгорая то ли от любви, то ли от злости. Показалось ей вдруг, что она может полюбить и просто так, без оплаты по прејискуранту. Вот и отправилась к нему, может, просто отвести душу, а он сидит себе на перилах и спокойноенько покуривает... Ну а потом — то же, что и у других. Недобрая, я бы сказала, секунда...

— Отлично! Высший класс! — оценил я Миркины рассуждения и, чтобы она не стала оправдываться, почему все так хорошо понимает, быстро добавил: — Значит, если не считать нас с тобой, остается только Андреа... — Я снизил голос. — Надеюсь, она спит крепко?

— Наверняка.

— Как видишь, дорогая, мотивов сколько угодно. Отсюда мы никак не выпутаемся. Как тут выбрать, высветить, а главное — доказать настоящий?.. Да, это вопрос. По крайней мере для меня. Следователю мы все практически втерли очки. А когда они получили протокол вскрытия, а там столько-то промилле алкоголя в крови — все как на ладошке! Нет, надо подойти иначе. С другого конца. Надо реконструировать всю ночь с пятницы на субботу. Перебрать все по минуте, проверить все приходы-уходы, только тут прячется решение. Или хотя бы зацепка. Потому что кто-то один соврал.

— Кто?

— That is the question*, как говаривал в таких случаях Гамлет. Ничего не попишешь, придется вернуться к началу. То есть к субботе. Скажем, к часу ночи. Итак, суббота... Компания начинает расходиться. С первого этажа по лестнице вверх, двери направо — Валерия и Войтек Дубенецкие, двери прямо — мы с тобой, дверь налево — Ирка. Две комнатки внизу: Рудла с Андреа, рядом — Саша, одна постель у нее в комнате свободна.

— Ярмила лежит, как колода на ковре.

— В 1.20 в холле уже темно. Войта по просьбе хозяина тупит свет наверху, а заодно предостерегает, чтобы тот не сидел на перилах, а то может свалиться. Да, прошу прощения! Еще раньше то же самое ему сказала Реа, а потом уже я. Ирка никого не послушался.

— К сожалению.

— Меня тоже сначала мучила совесть, но потом я как следует поразмыслил и понял, что нам себя винить не в чем. Конечно, совесть есть совесть, так просто она не умолкнет, но ведь, с другой стороны, Ирка упал не в половине второго, а на целых два часа позже. Улеглись мы примерно в половине второго. А через пару минут наверх босиком прокрадывается Саша. Все остальные — в своих комнатах.

— Кроме Ярмилы.

— Да, верно. Но с Ярмилой все о'кей. Спит как убитая. Я тоже засыпаю, засыпает, видимо, и Войта. Рудла с Реа «обмениваются мнениями»... Словом, без четверти три в вилле не спят и ведут дискуссии две пары. Рудла с Реа и Ирка с Александрой. Правда, эти двое свою дискуссию кончили раньше. Минут через пятнадцать.

— Саша узнала, что она девчонка первый сорт, получила поцелуй в лобик и пританлась в холле, подстерегая следующую посетительницу. — Глаза у Мирки блеснули зеленоватыми искорками, и она лукаво добавила: — Разумеется, меня.

— Вместо тебя, однако, на сцене появляется Валерия, значит, следующие полчаса у нас заполнены... А вот теперь мы медленно, но уверенно переходим от фактов к догадкам. Правда, пара зацепок здесь есть. Точнее, два письма.

— Стораю от любопытства. О каких письмах идет речь?

— Под крышечкой коробки сигарет «Астор», которую Андреа привезла Ирке из Франкфурта, на бумажной прокладке я обнаружил записку такого содержания: «Когда все уснут, приходи! Буду ждать в своей комнате». Записку я, к сожалению, забыл в Стрже, но запомнил ее дословно.

— А ты уверен, что это писал Ирка?

— Своей комнаты в вилле больше ни у кого не было. Так что вопрос только в том, кому эта записка предназначалась.

— Как кому! Валерии, конечно!

— Ты так думаешь? А вот я насчет адресата не уверен. Очень важно и то, когда он ее писал. Если позволишь, перейдем к возможным адресатам. Предположим, это Саша...

* Вот в чем вопрос (англ.).

— Саша? Нет, Гонза, только не Саша. Тогда почему он ее прогнал?

— Потому что после к нему привязалась Валерия! Не забывай и про Ярмилу. Он постарался от нее отделаться, потому что она стала предъявлять на него особые права. В пятницу мы вместе посмеялись над этим, а теперь я страшно жалею, что она не продержалась до конца.

Мирка задумалась. Потом спустила ноги с кресла, поправила платье, оперлась локтями о колени, положила подбородок на сомкнутые большие пальцы и спросила:

— Эту записку ты нашел в коробке «Астор», которую привезла ему Андреа?

— Совершенно верно. На прокладке под крышкой.

— И хотел бы знать, когда Ирка ее написал?

— Очень.

— Так вот, Гонза.— Она положила ладони на подлокотники.— Не стану тебя водить за нос; я это знаю.

— Да ты что!..

— Около полуночи мне вдруг захотелось соленого миндаля, и я пошла на кухню. Там за столом сидел Ирка, в руке у него была коробка «Астор». Открытая. Когда он меня увидел, то сразу же закрыл коробку, но потом открыл снова и предложил мне закурить. А на столе лежал карандаш... Записка написана карандашом?

— Да,— кивнул я.— Значит, этот след ведет в тупик.

— Почему? — удивилась Мирка, явно не ожидавшая такого замечания.

— Потому что записку он наверняка не передал — ни Саше, ни Ярмиле. Не успел передать, видимо, еще не знал, что после полуночи на него насядет Валерия. Она хотела с ним поговорить и взяла с него обещание, что он ее дождется. Ирка пытался ее отговорить, но Валерия это Валерия, сама знаешь. И она своего добилась.

— Мотив: приступ внезапной ярости...— тихо произнесла Мирка. И после паузы испуганно добавила: — Но тогда бы скорее убил...

— Погоди,— прервал я ее.— Не будем спешить. Валерия меня заверила, что Ирка отправил ее прочь примерно через полчаса. О деталях я ее, разумеется, не расспрашивал. Но знаю, что они выпили вместе по рюмке сливовицы. По словам Валерии, у Ирки осталось еще полбутылки. А вот утром... Утром бутылка была пустая. Валерия пыталась меня убедить, что Ирка допил ее сам. Но я в этом сомневаюсь...

— Ну а кто, по-твоему, ему помогал?

— Кто угодно. Потому что дальше у нас дыра на целый час. С половины третьего до половины четвертого все спали. Во всяком случае, так все уверяют. Кроме Рудды. То, что он не мог уснуть, это понятно... Так вот, около половины третьего он услышал в холле какие-то звуки, шаги, словом, шум. Сначала я предположил, что он слышал Валерию, но та вряд ли сильно шумела бы, ведь совсем рядом был Войта. А в холле все-таки что-то случилось.

— Ярмила?

— С таким же успехом это могли быть Андреа или Саша.

— Если только Валерия сказала правду и действительно вернулась от Ирки до половины третьего.

— Надо будет у нее уточнить. Так или иначе, все равно придется еще раз поговорить с обоими Дубенецкими. Проверить слова Валерии не у кого, а с Войты вообще взятки гладки: спал и ничего не слышал. Точка!.. А ты постарайся все вытянуть из Андреа.

— Почему из Андреа?

— Потому что после ссоры с Рудлой она тоже вряд ли сразу уснула. Может, что-нибудь еще вспомнит.

Сумрак в комнате сгустился. Было уже почти полдевятого. Я допил свою рюмку и добавил:

— А теперь от фактов переходим к загадкам.

— Загадкам?

Я сунул руку в карман пиджака и сказал:

— Загадка номер один. Но для этого понадобится свет. Глаза у тебя, правда, кошачьи, но все равно в темноте читать трудно...— Я подал ей сложенный листок бумаги.— Неотправленное Иркино письмо. Я нашел его после обеда в субботу на его письменном столе. Очень хотел бы знать, что ты на это скажешь.

Мирка взяла письмо, развернула. Потом зажгла стоящий возле кресла торшер и принялась читать. Свет лампы, отражаясь от ее волос, окрасил всю комнату в огненно-рыжий цвет. Она читала медленно, внимательно, потом положила письмо на стол и произнесла:

— Теперь понятно...

— Что понятно? — удивленно воскликнул я.— Ты знаешь, кому он писал?

— Нет, — ответила Мирка. — Теперь понятно, почему ты спрашивал, может ли любовь превратиться в привычку...— В глазах у нее снова заиграли зеленые искорки. — Тогда я еще входила в число подозреваемых?

Я ухмыльнулся.

— Только ради объективности расследования.

— По-твоему, он писал Валерии?

Я пожал плечами.

— Думаю, да, кроме того, ясно, что он еще раздумывал, посылать или не стоит.

— Почему?

Я поднял письмо со стола.

— Потому что догадывался, к чему это приведет. На следующий день она уже побежала бы в суд и подала бы на развод.

— Не знаю, но мне почему-то кажется, что это хорошее письмо. И что писал его Ирка от чистого сердца.

— Ты бы лучше шепнула, кому он хотел его отправить.

— Значит, Саша исключается. Меня ты вроде бы тоже вычеркнул из списка мерзавцев... Остаются Ярмила и Андреа. Впрочем, если, конечно, не существует еще какая-то незнаком-

на.

— Думаю, что нет... Ярмила утверждала, что у нее никого другого не было, и я ей верю. Иначе отчего бы Ирка пожаловался, что она ведет себя, как хозяйка? Когда я выспрашивал у него, что он собирается делать с двумя девчонками, он засмелся и ответил, что одну из них придется спить.

— Что ему в конце концов удалось сделать, — констатировала Мирка, и в ее приглушенном голосе прозвучали минорные нотки.

— Теперь возьмем Андреа... Не исключено, что она завела с Иркой флирт. Хотя ты и утверждаешь, что она типичная женщина для одного мужчины.

— Предположим, я ошиблась.

— Тогда вот что получается. Пассаж о дружбе соответствует Рудла с Иркой друзья... Вернее, были друзьями. Тут все сходится. Но прочти первую фразу письма. «Ты ушла, но остаешься здесь со мной...» А теперь — последнюю фразу, вернее, пометку вместо даты: «Стрж, суббота». Стрж! А Андреа никогда до этого вечера в Стрже не бывала. А вот Валерия — да. В конце мая. С пятницы на субботу... Ясно?

— Нет, — ответила Мирка.

— Нет?

— Не сердись, Гонза, но ты рассуждаешь чисто рационально. А мне Иркино письмо попросту по душе, и я не могу себе представить, что он в нем лгал. Может, это женская сентиментальность, но... Да ты прочти его еще раз!

— Я уже выучил его наизусть, — возразил я, но все же послушался ее совета. Она встала у меня за спиной, глядя мне через плечо, а я начал, не торопясь, вполголоса:

— «Любимая!

Ты ушла, но остаешься здесь со мной. А вместе с тобой и мои сомнения...

...Не сердись на меня, иначе я не могу.

И.

Стрж, суббота»...

Все равно этот «Стрж» меня сбивает с толку. До его последнего дня рождения в Стрже бывали только Валерия, Ярмила и ты.

Я положил письмо на стол, а Мирка спросила:

— Ты считаешь, что Иркино письмо имеет такое большое значение?

— Убеден!

— Тогда остается только одно объяснение.

— Какое?

— Ирка писал Валерии и писал искренне, значит, он вовсе не был к ней так безразличен, как вы все считаете. Понятно?

— Ай да Мирка! — сказал я и отвесил ей глубокий поклон. Теперь еще решить загадку перстня с печаткой, его таинственного перемещения с моего пальца на Иркин — и ловушка захлопнется. — Но если Иркино письмо предназначалось Валерии, может, это и в самом деле лишь несчастный случай? Валерия мучается угрызениями совести, считая, что виновна в Иркиной смерти. Она сама мне сказала об этом в понедельник.

— Угрызения совести?

— Да, из-за того, что своим ночным приходом подействовала ему на нервы, и он влил в себя пол-литра сливовицы, захмелев, сел на перила и свалился оттуда. Тогда все загадки решены. С трех до половины четвертого все, кроме Ирки, спали, никто не лгал и никто никого не убивал.

Мирка задумчиво покачала головой.

— Мне непонятна одна вещь.

— Какая?

— Почему он после того, как напился, полез на перила, а не в постель?

— Это как раз понятно. Такая уж у него была привычка. Вернее, способ. Когда он хотел поскорее протрезветь, то вытворял что-нибудь головомое. Например, гулял по перилам моста. Дома у него моста не нашлось, поэтому он залез на перила балкона.

Я пересел на подлокотник Миркиного кресла и обнял ее за плечи. Наверное, именно сейчас стоило бы покаяться в потере перстня, но мне не доставало отваги. Такой ценный дар, купленный к тому же на сэкономленную за счет еды валюту, — и на тебе, в первую же ночь он у меня исчезает... Нет, с такими признаниями никогда не стоит торопиться. А таинственная смеяна хозяина наверняка получит самое прозаическое объяснение. Скорее всего он соскользнул у меня с пальца, Ирка его нашел, надел, а утром собирался вернуть мне.

Я было улыбнулся, но улыбка застыла на губах. Ведь и после прощания с Ирккой этот проклятый перстень все еще был у меня на руке. Ох уж этот перстень! Одни неприятности от него. По дороге в Стрж чуть не порвал Мирке чулок, кроме того, мне было неловко, что она первая преподнесла мне такой дорогой подарок, даже Андреа обратила на это внимание, заметив что-то вроде: «Придется тебе, Гонза, расплачиваться...»

Внезапно у меня перехватило дыхание. Я встал и еще раз прочитал Иркино письмо. Не все, а только первые два абзаца. Этого мне хватило с лихвой. Потом подошел к окну, выглянул на улицу. Было уже совсем темно.

— Что с тобой? — снова спросила Мирка, касаясь моей руки. — Ты бледный, как смерть.

— Мне надо съездить в Стрж.

— Да ты что! Зачем?

— Чтобы окончательно убедиться в том, кто в субботу на рассвете хладнокровно убил Ирку.

13

В Стрж я приехал почти в десять вечера, но Гаспровы еще не спали. Из Иркиных родственников не было никого. Я знал от Эвы, что сразу же после похорон все уедут в Брно, и на вилле, кроме Гаспровых, не останется никого.

Пан Гаспра был очень удивлен моим поздним наездом, но я пояснил, что обещал уладить кое-какие Иркины дела, например, сдать его пистолет, а кроме того, хочу вернуть машину.

Без дальнейших расспросов он пустил меня внутрь.

Сперва я зашел в спальню, где пять дней назад мы ночевали с Миркой. Задержался я там меньше минуты. Потом попросил пана Гаспру, чтобы он отправился со мною в Иркину комнату. Мы порылись в письменном столе. В самом нижнем ящике, да к тому же и в самой глубине, была спрятана Иркина «пушка» калибра 6,35. Я вынул обойму, посмотрел, сунул ее обратно и положил пистолет в карман пиджака. В верхнем ящике, где среди всяких бумаг и документов валялись свидетельство о крещении и диплом, мы обнаружили разрешение на оружие и заграничный паспорт. Их я тоже забрал с собой. Потом завел «фиат» в гараж, отдал ключи — и мне едва хватило времени добраться до станции и успеть на последний поезд в Прагу. Туда я дотащился почти в полночь. Домой на Винограды отправился пешком, чтобы хоть немного проветрить раскаляющуюся от боли голову, и почувствовал себя лучше. Спать лег часа в три, надо было как следует продумать организацию гала-представления, которое я собирался устроить завтра вечером.

С утра я договорился по телефону с Андреа, что соберу всех участников Иркиного дня рождения у нее дома. Она немного побрыкалась насчет Рудлы, но больше для приличия, чтобы доказать свою принципиальность.

— А что там будет? — полюбопытствовал Рудла, когда я позвонил ему около половины десятого.

— Сюрприз, — ответил я. — А кроме того, у тебя будет возможность повидаться с Андреа. Придешь?

Он заверил меня, что да, и я повесил трубку.

Ярмила никаких возражений не имела, даже не спросила, о чем пойдет речь. Пришлось только растолковать ей, где обитает Андреа. Я предложил подождать ее у подъезда без пяти восемь. Она согласилась и переключила меня на Войту. Он тоже пообещал, что обязательно придет, но за Валерию поручиться не может. Признался, что до сего дня продолжает обитать в гостинной, держать деньги в секретере и ужинать в ресторане. Но в остальном Валерия ведет себя нормально, по сравнению со вчерашним днем, разумеется. Ей сделали успокаивающий укол, и она проспала до самого утра.

Укол еще, наверное, действовал, потому что, когда я позвонил Валерии, она никак не могла сообразить, куда и зачем ей надо идти. Кое-как я все же ухитрился ей это втолковать.

С Миркой мне не удалось поговорить по телефону, на работе я ее не застал, дома тоже, но Андреа заверила, что приведет ее сама.

Наконец я набрал номер Саши. Она подняла трубку без промедления, очевидно, решил я, телефон стоит прямо у ее постели.

— Я тебя не разбудил?

— Почти, — ответила она, но по голосу этого не чувствовалось.

— Андреа приглашает тебя к восьми вечера на кофе.

— Спасибо за приглашение, — засмеялась она. — Никогда еще не пила кофе у такой прославленной особы. А кто там будет? Киношники?

— Нет, — ответил я. — Убийца Ирки.

— Не ждите от меня всякого там жеманства и экивоков, — заявил я, когда вскоре после восьми мы расселись в гостиной у Андреа. — Дипломатию разводить нам нечего... Сегодня как раз неделя с того дня, когда мы точно в таком же составе съехались к Ирке в Стрж отпраздновать его двадцативосьмилетие. А утром, в полчетвертого, собрались снова. Над Иркиным трупом. Уверен, что каждый из нас в какой-то степени виноват в его смерти...

— Вообще-то да, бесспорно, — сказал Рудла и даже кивнул головой. Он сидел справа от меня спиной к окну, между Миркой и Войтой. Напротив него на кушетке устроились Саша, Ярмила и Валерия, я сидел на табуретке у дверей в прихожую, а передо мной на коврикe расположилась Андреа.

Голос Рудлы неприятно действовал на нее, и она мгновенно превратилась в разбуженную львицу.

— Черт возьми, не суйся! — набросилась она на Рудлу. — Всем и так понятно, что Гонза имел в виду...

Я продолжил, стараясь не обращать внимания на ее выпады:

— Не стану задерживать деталями. Да и зачем? До часу ночи мы все прекрасно помним. Кроме Ярмилы.

— Переходим на личности? — скривилась та.

— Обязательно, — ответил я. — Тут не до деликатности. Ирке это стоило жизни, а нам... Ну, взглянем друг на друга трезвыми глазами, не больше.

— Начинаешь очень обещающе, — заявил Войта. — Интересно, чем кончишь.

Андреа снова встрепелась.

— Да перестаньте вы встречать со своими замечаниями! Так мы никуда не доберемся...

— Доберемся, — успокоил я ее, — не волнуйся... Вскоре после часа ночи мы разошлись по комнатам. Не стану повторять, что происходило в следующие двадцать минут. По официальным данным, я был последним, кто разговаривал с Иркой около половины второго. В действительности же после меня и до самой его смерти, случившейся через два часа, с ним говорили почти все из присутствующих.

Бац! Мое заявление действовало ошеломляюще. Разве что Саша сохраняла ледяное спокойствие и даже иронически усмехнулась. Валерия открыла рот, словно ей не хватало воздуха, Ярмила встревоженно задвигалась, Рудла недоверчиво завертел головой. Мирка с Андреа обменялись удивленными взглядами, а Войта не удержался и выкрикнул:

— Ты рехнулся, что ли?

— Нет, — возразил я. — Вовсе нет. Да и потом, чему ты удивляешься? Именно ты?

Войта умолк, у него, кажется, даже перехватило дух. Валерия уставилась на меня измученными и умоляющими глазами, но я отвел взгляд в сторону. Держись, подруга, держись, мысленно пожелал я ей, сейчас ты услышишь кое-что почище.

Я обратился к Саше.

— Я дал тебе слово, что услышанное от тебя использую только с твоего разрешения. Теперь мне такое разрешение нужно.

— Чего спрашиваешь? — без колебаний заявила она. — Разумеется.

— Спасибо. Итак, первой к Ирке пришла ты.

Она кивнула.

— Наверное. В конце концов, чем скорее, тем лучше, верно?

— В общем-то да, — признал я и тут же продолжил: — Саша отправилась почти без задержки, когда еще никто не спал, а ступеньки скрипят довольно сильно, так что слышали ее, по моему, все. И когда она уходила, большинство из нас, не считая, может быть, Войты и...

— Я не слышал, когда она шла наверх, — возразил Войта. — Как только лег, сразу же уснул.

— Ладно, — согласился я. — Валерия подтвердила твоё алиби. Около двух, когда к Ирке отправилась она, ты наверняка спал.

— Я спал и после, — нисколько не смущаясь, заявил он. — Меня разбудил только ты.

— Давай не будем забегать вперед, — прервал я спор. — Короче, Валерия пошла к Ирке около двух. Точнее, двух еще не было. На башне в деревне пробило два через несколько минут. Но пока что минуты не имеют значения. Саша отправилась к Ирке, так сказать, вслепую. В отличие от Валерии, которая около полуночи предупредила Ирку, что придет. Верно?

Валерия кивнула и срывающимся голосом произнесла:

— Мне и в голову не могло прийти, что ты воспользуешься моей минутной слабостью. Я бы тебя и в дверь не пустила...

— Дело хозяйское, — невозмутимо заметил я. — Мне тоже в голову не пришло, когда я поздравлял Ирку с днем рождения, что через шесть дней придется идти к нему на похороны. Так что извини...

Она не проронила больше ни звука. Войта подчеркнуто внимательно разглядывал ногти на руке. Андреа кусала губы, а Ярмила с трудом сдерживала ярость. По моему, она с огромным наслаждением вцепилась бы Валерии в волосы.

Ходом гала-представления я был доволен. Все пока что шло как по маслу. Атаковать, провоцировать, шокировать, посеять между собравшимися взаимное недоверие, тревогу, даже панику — именно этого я старался добиться.

— Еще немного о твоей минутной слабости, Вали, — как бы между прочим сказал я. — Не сердись, но я не совсем тебя понял. Когда именно она тебя охватила? Когда ты мне в понедельник во всем призналась, или в субботу около полуночи, когда потребовала, чтобы Ирка тебя ждал, потому что тебе непременно надо с ним поговорить? — Я постарался вложить в глагол «поговорить» как можно больше иронии. Разумеется, она ничего не ответила, только стиснула зубы и нервно схватила сигарету. — Чтобы тебе было ясно: Ирка с тобой разговаривать не хотел. Он собрался встретиться с кем-то другим. Точнее, с другой. Понятно? — Я полез в карман пиджака и поставил на столик овальную коробочку с портретом Иоганна Й. Астора, которую вчера вечером взял в Стрже. — Незадолго до полуночи он сунул в эту

изящную вещицу любопытную записочку... — Я снова взял коробку в руки, открыл крышку, вынул из-под нее бумажную прокладку и подал ее Саше. — Будь так любезна, прочти нам, что писал Ирка. Может, даже тебе...

Саша недоверчиво посмотрела на меня, но взяла овальный кусочек бумаги и неуверенно проскандировала:

— Когда все уснут, приходи! Буду ждать в своей комнате... Ярмила заглядывала ей через плечо.

Я обратился к Валерии.

— Логично, правда? Если бы эта телеграмма предназначалась тебе, зачем бы он тебя отговаривал приходить к нему?

— Ты... хам несусветный! — выпалила Валерия, бледнея от злости, между тем как Войта, хотя и отвергнутый и вынужденный питаться в ресторане, все же проявил себя как мужчина и джентльмен и процедил сквозь зубы:

— Это уж чересчур, Гонза!

Тем временем Иркина записка шла по кругу. Как раз сейчас ее держала Андреа, а к ней тянул руку Рудла.

— Ну ладно, мы все время отвлекаемся. Гораздо важнее решить вопрос, кому все-таки Ирка писал. Если исключить Валерию, остается четыре возможных кандидатуры. Чисто теоретически... Давайте проверим каждую. Пожалуйста, не подозревайте меня в предвзятости, если я исключу из числа возможных адресатов в первую очередь Мирку. Дело в том, что она видела, как Ирка писал эту записку. Это было в кухне, где они случайно столкнулись наедине. Так что он вполне мог пригласить ее к себе устно. Но не сделал этого. Так что Мирка, очевидно, была не в его вкусе. — Тут я обратился к Ярмиле. — Мне очень жаль, Ярмила, но во вторую очередь отпадаешь ты. Даже если бы ты потом не уснула, Ирка не стал бы тебе писать. Он мог сто раз все это сказать. При всех и вслух.

Она облизала верхнюю губу и смущенно опустила глаза.

— Андреа тоже не станем принимать в расчет. Просто не вижу повода.

— Спасибо тебе, Гонза. — Она натянуто улыбнулась.

— Значит, остается Александра. Иркина записка скорее всего предназначалась ей, он не хотел, чтобы об этом узнала Ярмила, но после того, как около полуночи на него надела Валерия, он эту записку не передал. А когда Саша пришла сама, отправил ее обратно спать.

Саша легонько усмехнулась. Удовлетворенно и даже победно. Порой так мало требуется для довольства. Она отпила вина, а я продолжил:

— Однако это только первая альтернатива. Продуманная, неподтвержденная, но, возможно, вполне реальная. Вторая гораздо сложнее. Дело в том, что есть еще одно Иркино письмо, по стечению обстоятельств тоже неотправленное... — Я достал письмо из кармана. — Вот оно. Я хочу, чтобы вы его услышали. Кое-что оно вам прояснит. Например, что Ирка был вовсе не поверхностным и легкомысленным бабником, а деликатным и принципиальным человеком.

Теперь я для разнообразия выбрал Андреа, передал ей приговор убийцы и попросил:

— Будь так добра, Реа...

Она нерешительно взяла письмо и начала читать. Лучшего чтеца выбрать я не мог. Она читала именно так, как требовалось: тихо, без пафоса, почти не меняя интонаций, но с глубоким чувством. Я обвел взглядом собравшихся. Саша слушала с опущенными глазами, Валерия машинально ломала пальцы, то и дело кривила губы, мне даже показалось, что она дрожит всем телом. Лица Ярмилы я не видел, она закрылась ладонями, то же сделала и Мирка. Рудла внешне был спокоен и сосредоточен, только впился взглядом в Андреа, и кончики губ у него то и дело подергивались. Войта мрачно смотрел на то, как Валерия ломает пальцы.

Андреа закончила читать и положила письмо на стол.

— Спасибо, Реа, — произнес я в гробовой тишине. — Для верности еще раз — дата и подпись. Автор подписался только первой буквой имени, а дату не поставил. А жаль. Точная дата нам бы очень помогла. Пришлось мне этим заняться. В понедельник я зашел к одному приятелю, который работает в химической лаборатории. Он заверил меня, что чернила высохли пятнадцать — двадцать дней назад. Вместо даты стоит внизу пометка: «Стрж, суббота». Важная, очень важная пометка...

Я взял Иркино письмо в руки, прочитал обращение и первую фразу:

— «Любимая! Ты ушла, но остаешься здесь со мной...» Вы обратили внимание? «Остаешься здесь со мной...», — повторил я, подчеркивая обстоятельство места. — Здесь, тут, то есть в Стрже. Так что можем исключить кое-кого из числа адресатов и по этой причине. Впервые в Стрже были Саша и Андреа. Из мужчин Рудла и Войта. Значит, остаются Валерия, Ярмила и Мирка, — заключил я. — Теперь дальше: «У меня множество недостатков, — пишет Ирка, — но никогда я не был и не хочу оставаться вором. А украсть у друга жену или возлюбленную — это самое мерзкое воровство...» Пока хватит. Ярмила не замужем, у нее нет парня, который был бы к тому же Иркиным другом. Верно?

— Да, — вздохнула Ярмила, слегка кивнув головой.

— Остаются Валерия и Мирка. Можно предположить почти наверняка, что записка в коробке от сигарет и письмо предназначались одной и той же женщине. Следовательно, Мирку вычеркиваем. В результате нам остается одна Валерия. Но письмо никак не может быть адресовано ей. Если позволите, еще одна цитата...

Я помолчал. Никто не пытался меня прервать, только Валерия следила за мной злым, ненавидящим взглядом, как разжалованный офицер за начальником, срывающим с него погоны.

Отчетливо и с выражением я прочитал часть второго абзаца:

— «...Никогда я не был и не хочу становиться вором. А украсть у друга жену или возлюбленную — это самое мерзкое воровство. Я всегда считал, что не способен на подлость, но в последнее время уже не так в этом убежден, хотя случилось все это не по моей вине. Но это не имеет значения».

Я взглянул сначала на Войту, потом на Валерию. И поинтересовался:

— Я убежден, что Ирка писал не тебе. Надо доказывать?

— Не стоит трудиться. — Она чуть ли не выплюнула эти слова мне в лицо.

— Очень рад, — отозвался я. — Ты даже не представляешь, как я рад.

Рудла ухмыльнулся:

— Значит, опять мы вернулись к началу.

— Как ни странно, приятель, мы потихоньку приближаемся к концу. Беда в том, что, вычеркивая возможных адресатов, мы допустили кое-какие ошибки. Грубые ошибки, нарушение правил формальной логики. Ты, наверное, знаешь эти правила еще со школы. Если посылы ошибочны, ошибочен и вывод. Попробуем найти ошибку в посылках. А для этого отойдем немного в сторону... С самого начала меня в этом случае сбивала с толку одна неразрешимая загадка. В пятницу вечером перед приездом в Стрж Мирка подарила мне перстень с печаткой. Черный оникс с монограммой в золотой оправе. Может быть, ты его у меня видел?

— Верно, — подтвердил Рудла. — Ты его нам показывал еще в машине.

Саша, Ярмила и Андреа закивали головами. Войта что-то пробурчал, Валерия меня игнорировала.

— Обращаю ваше внимание на то, что он был мне великоват, но когда я шел спать, он еще был у меня на пальце. Утром он был уже на пальце у Ирки...

— У Ирки? — спросил Войта и покрутил головой. — Уж извини, но я что-то не заметил, чтобы у Ирки на пальце был какой-то перстень.

— Ты и не мог заметить, Войта. Он был у него на левой руке. А если помните...

— ...левая рука была у него завернута за спину, — закончила Саша.

— Правильно, — подтвердил я. — И только когда приехали санитары и я стал помогать им укладывать Ирку на носилки, тогда заметил перстень.

Впервые за целый вечер я впрямую взглянул на Мирку. Она сидела с недоуменным видом. И спросила:

— Выходит... у тебя этого перстня нет?

— Есть, — ответил я, полез в карман и надел перстень на безымянный палец левой руки. — Скажи, пожалуйста, Мирка, где ты его купила?

— Где? Во Франкфурте, на ярмарке.

— А как же он попал на палец Ирке? — спросила Ярмила.

— А никак! Дело в том, Ярива, что перстней было два. Свой я вчера вечером нашел в Стрже, он лежал в постели. А Иркин отдал его сестре.

С минуту стояла полная тишина, потом я сказал Мирке:

— Оба перстня трудно было различить... Может, ты купила два?

— Зачем же мне покупать два одинаковых перстня?

— Другого объяснения я не вижу.

— Я купила только один,— решительно заявила Мирка, встала и подошла ко мне.— Покажи-ка его!

Я снял перстень с пальца и подал ей. Она внимательно его осмотрела, потом пожала плечами и сказала:

— Ручаюсь, что это он, но... О господи! — внезапно вскрикнула она и сильно затрясла головой, как бы страшась поверить, что загадка имеет такое простое, очевидное решение. Ее широко открытые зеленые глаза наполнились страхом.

— Да-да,— быстро продолжил я.— Другой перстень купил кто-то другой. Тот, кто был с тобой во Франкфурте на ярмарке и тоже его увидел. Может быть, ты сама его и показала ему... Или ей?

Теперь уже догадка осенила всех, и шесть пар глаз уставились на Андреа. Она сидела боком к нам, чуть наклонясь вперед, руки сплетены под левым коленом. Голова сильно согнута, подбородок прижат к груди, и я, стоя над нею, вместо лица видел только золотую копну волос, ослепительную на фоне черного свитера. Она сидела точно каменная.

— Второй перстень купила ты, Андреа,— тихо сказал я.— И дала его Ирке примерно в три часа ночи, после того как от него ушла Валерия. После ссоры с Рудлой ты убежала к Саше, которая вскоре уснула. Ты переделалась, взяла перстень и потихоньку пошла наверх. Ирка тебя ждал. Не знаю, о чем вы там говорили, но допили почти полбутылки сливовицы. Когда уходила Валерия, ее оставалось как раз пол-литра, а утром бутылка была пустая. Эта сливовица, страшная гадость, как ты сказала, тебя и подвела. В среду ты проговорила, Реа. Алкоголь действительно паршивая вещь, дорогая, он развязывает язык. Помнишь? «Если бы Ирка непил это паршивое пойло, мог бы сидеть здесь с нами...» А откуда ты знала, что он пил? Нетрудно догадаться, верно?

Она неопределенно повела головой.

— Но одно ты мне все-таки скажи! Ты читала Иркину записку? Ту, что на прокладке?

— Читала...

Я взял со стола Иркино письмо и положил его на коврик перед Андреа.

— Ирка писал это тебе, возьми его. Вряд ли когда-нибудь ты получишь еще такое искреннее письмо, Андреа... А теперь,— я повернулся к Рудле,— мы подошли к нашему ошибочному письму. Вспомни, как в пятницу мы ехали в Стрж. Мы ехали уже по деревне, а я как раз показывал вам Миркин подарок... — Я вернулся к столу и тяжело опустился на свое прежнее место.— Андреа еще подколола, что теперь моя очередь. Купить Мирке кольцо. Скорее всего обручальное. Помнишь?

— Отлично помню,— сказал Рудла.— Даже знаю, где это было. Как раз перед тем, как мы свернули на виллу.

— Прекрасно, у тебя великолепная память, так что, надеюсь, ты подтвердишь и еще один, гораздо более важный факт. Решающий факт... После этого, тут же, Андреа подсказала тебе дорогу. «Теперь налево»,— заметила она. И это при том, что

вроде бы никогда в Стрже не была, а значит, не могла знать, где Ирка живет и куда тебе надо поворачивать.

— О господи! — расстроено проговорил Рудла. — Все верно, Гонза...

— Все это я сообразил только вчера. Из-за перстня... — Я снова обратился к Андреа. В моем голосе звучали твердость и неумолимость. — Все просто, ты уже бывала у Ирки в Стрже. Скорее всего только раз. В субботу или в пятницу вечером. Помоему, в пятницу. Словом, за день до того, как уехала на ярмарку. А уехала ты в субботу. Ты сама мне об этом сказала позавчера, помнишь?

— Да, — выдохнула Андреа, а я снова повернулся к Рудле:

— А друг, о котором говорится в письме, — это ты, Рудольф. У Ирки уже был неприятный опыт в этом деле, и он не захотел быть вором и подонком. Решил подождать, пока вы разберетесь в своих делах. А сам... Сам взял да и пригласил на свой день рождения двух девушек. Двух, понимаешь? Чтобы легче было отказаться от обеих. Он уже любил Андреа, но не хотел любить ее у тебя за спиной. Он считал тебя другом. — Я сделал небольшую паузу и, выделяя каждое слово, добавил: — С этим Ирkinым утверждением я полностью согласен. Мы с ним были друзьями, больше того — он спас мне жизнь. Я не могу вернуть ему его жизнь, но отомстить — это в моих силах. Око за око, зуб за зуб...

Я сунул руку в нагрудный карман пиджака и вытащил Ирkin пистолет. Вынул обойму, проверил и сунул обратно. Потом положил пистолет перед собою на стол.

Валерия и Ярина вскрикнули и вскочили с кушетки. Войта пригнулся было, но всего-навсего положил руки на подлокотник. Андреа наконец подняла голову и уперла в меня непонимающий взгляд. Мирка встрепенулась, бросилась к ней и обхватила ее за плечи.

— Ты с ума сошел, Гонза! — выкрикнула она.

— Нет, — сказал я, — вовсе нет.

Теперь заговорила Андреа:

— Ты все говорил правильно, Гонза, почти все. Три недели назад в пятницу я была в Стрже. Ездила туда на машине. Домой уехала после полуночи. И перстень с печаткой в Германии купила. Я увидела его у Мирки, он мне понравился, и я привезла его Ирке на день рождения. Ночью, примерно часа в три, я его Ирке отдала... Но я не убивала.

— А разве я это говорил, Реа?

Все смотрели на меня как на полоумного, но я никогда еще в жизни не сознавал так ясно и четко, чего добиваюсь.

— Что ты показала нам дорогу на виллу, я понял только вчера, а вот Рудла гораздо раньше. Сразу же! И именно эта минута сделала его убийцей. Он еще раньше что-то подозревал и следил за тобою все время. Вспомни, как сразу после приезда, еще на вокзале, ты решила поехать к Ирке на день рождения. И это после долгой и нелегкой поездки. Да еще две недели ни сна, ни отдыха на ярмарке... Любая на твоём месте отправилась бы спокойно спать. А ты все-таки поехала. Зачем?.. Ночью вы с Рудлой выяснили отношения. Ты сказала ему, что все кончено,

и перебралась к Саше. Ирка тебе написал, «пока все уснут», и ты ждала. Он тоже, коротая время за сливовицей. Скорее всего ты вышла без четверти три...

— Совершенно верно,— кивнула Андреа.

— Вот тебе и шум в холле, Рудла.

Рудла стоял, как дуб в безветренную погоду, без единого движения.

— Когда ты пришла к Ирке и отдала ему свой перстень, бутылка была уже почти пустая, верно?

— Нет, не верно,— сказала Андреа.— Хватило еще нам обоим по стаканчику.

— Ну а потом?

— Потом он отправил меня спать. Пообещал, что с Рудлой потолкует на следующей неделе. Потому что сегодня он его гость, и было бы непорядочно...

— Верно, это в Иркином стиле. А дальше все ясно. Вниз ты сошла на рассвете. Примерно в четверть четвертого. И пошла прямо в Сашину комнату. Даже не стала переодеваться. А Ирка... Ирка хотел свое счастье отпраздновать в трезвом виде. Вот потому-то и сел на перила. Было у него такое дурацкое обыкновение... Между тем Рудла подкараулил в холле. Он все время следил за тобой. Хмель у него давно выветрился, а вот злость нет. Он всегда злился на Ирку. Тупым и бездарным на роду написано ненавидеть умных и талантливых. В армии первую неделю требовал, чтобы его бывший однокашник обращался к нему только на «вы», строго по уставу, не только на занятиях, а везде, даже в уборной. И все из-за того, что сам вылетел из института, который Ирка осилил одной левой. Потом он сообразил, что может от Ирки кое-что выгадать. Переменился мгновенно. Стал лучшим другом. После армии Ирка помог ему устроиться на отличную должность. К тому же в Праге, чтобы у Рудольфика была возможность доучиться. Но злость, усиленная завистью, уязвленным самолюбием и чувством собственной никчемности, у Рудлы не пропала. И в конце концов выросла до небывалых размеров, потому что дело коснулось тебя, Андреа. Он никак не хотел тебя упустить, но, когда ты познакомилась с Иркой, понял, что шансов у него нет. Весь вечер и всю ночь он старался выяснить, действительно ли потерпел поражение, и к утру уже в этом не сомневался. А тут и случай подвернулся, как избавиться от соперника. Ирка либо не слышал его, либо не обратил на него внимания, так что Рудле хватило одного мгновения. Миг — и все было кончено. Свинство, мерзость, подлость... Как, по-твоему, Рудла? Тебе нужны еще какие-то улики?

Рудла был явно огушен. От него ускользнуло то, что у меня нет никаких прямых доказательств его вины, что все мои утверждения вполне логичны, точны, согласованны, но не больше, чем гипотезы. Он чуть заметно качнулся в сторону стола, и я протянул руку за пистолетом. Но он опередил меня. Схватил оружие в правую руку, левой взвел курок и отскочил в угол к окну. Женщины дружно взвизгнули. Саша, не растерявшись, попыталась выскочить в дверь, но, как нарочно, налетела на меня и очутилась в моих объятиях.

Рудла нацелился на нас и приказал:

— Отойдите от дверей!

Я торопливо оттолкнул от себя Сашу.

— Идиот, не сходи с ума, я дам тебе возможность явиться с повинной. Это смягчит приговор...

— Наплевать! — зашипел он. — Прочь от дверей!

Я отступил в сторону.

— Все назад, к стене! Быстро! — скомандовал Рудла высоким, ломающимся голосом. — Шевелитесь!

Я подтолкнул вперед окаменевшую Валерию, потом Ярмилу и Сашу. Мирка с Андреа и Войтек уже стояли у стены.

— Что ты собираешься делать, дубина? Думаешь, что скроешься? В самом центре Праги? Ума не хватает!..

— Заткнись! — рявкнул он и ткнул пистолетом в сторону Андреа. — Ключи! Давай твои ключи, слышишь? От квартиры и от машины...

Андреа сделала какое-то неопределенное движение, а я медленно двинулся к Рудле. Но тут кто-то меня схватил. Мирка.

— Пусти! — сказал я, но она не послушалась, вцепилась в меня изо всех сил, стараясь к тому же заслонить своим телом.

— Он убьет тебя...

— Нет... — Я с силой освободился из ее объятий.

— Ключи!

— Нет, — повторил я и сделал еще шаг вперед. Он целился прямо в грудь, а мне еще надо было преодолеть почти половину комнаты.

— Ключи! — потребовал Рудла в третий раз. На лбу у него проступили крупные капли пота, он смотрел на меня безумными глазами. — Если двинешься, разделаю тебя, как Ирку...

Я пренебрежительно усмехнулся.

— Чушь городишь, Рудла. Это тебе не просто толкнуть и удрать, тут придется выстрелить. Чтобы убить еще одного, да при стольких свидетелях, у тебя духу не хватит.

Глядя прямо ему в глаза, я решительно двинулся вперед.

Он нажал на спуск, когда мне оставалось всего пару шагов. Пистолет сухо щелкнул. Выстрела не прозвучало.

Я приостановился, чтобы у него хватило времени понять, в чем дело.

Он попытался снова взвести курок.

— А еще сержант! — ухмыльнулся я. — Это же самовзвод, он перезаряжается автоматически.

Однако он еще ничего не понял. Прицелился мне в голову, страшно ощерился, закрыл глаза и снова нажал на спуск. Но я уже стоял перед ним и ребром ладони вышиб пистолет. Он упал на коврик. Я отпихнул его ногой за спину, и кто-то позади быстро его поднял.

— Зря старался, — сказал я. — Он не заряжен.

А потом я его ударил. Всего один раз. Это был прямой справа в челюсть. Ему этого хватило. Он отлетел от меня как тренировочная груша, ударился затылком об стену и застыл в полном ошеломлении, не в силах даже пошевелить пальцем. До него дошло, что он проиграл.

— Я же сказал тебе, что ты идиот. Требовал ключи, а оставил нам телефон. — Я подошел к столу и поднял трубку.

Набирая номер отделения безопасности, вдруг осознал, что он хотел меня убить, что дважды, целясь в меня, нажимал на спуск, но мне уже неохота было пачкать об него руки, просто было противно.

— Слушаю, — раздалось в трубке.

— Минуточку, — сказал я и передал трубку убице.

Я сделал так ради Ирки. Клятву я выполнил и был уверен, что он на моем месте поступил бы точно так же.

Пока Рудла, заикаясь, признавался, что он убил инженера Кормана, кто-то обнял меня за талию. Мирка.

— Все в порядке, дорогая, — сказал я ей. И улыбнулся, чтобы не заплакать.

Перевод с чешского БОРИСА КОСЕНКОВА.

НЕМЕЦКИЙ ЦЕНТР ГИТАРИСТОВ

BAVARIA

приглашает на заочно-очные курсы начинающих и играющих. Прием производится круглогодично. В программе обучения западноевропейская и американская гитарная музыка и песни. Плата за обучение невысокая. Наш центр не только обучает игре на гитаре, но и после окончания учебы предоставляет ученикам работу в Германии в музыкальной сфере сроком от 1 до 6 месяцев. Заработок до 5 тысяч нем. марок в месяц. Возраст с 15 до 54 лет. Напишите нам по-русски или по-немецки, и мы вышлем условия приема:

ГЕРМАНИЯ

An Direktor von Gitarrenzentrum "BAVARIA" Waldemar Zwetko-Blume

Linnbrunnerweg 5 D-84028 Landshut Deutschland

Если Вы желаете ускорить процесс, то позвоните нам, мы говорим по-немецки и по-русски. Телефон: 1049-871-55941.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МИР ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МУЗЫКИ!